

СТАЛЬ И ЛЁД

18+

Сергей Подземный
Сталь и Лёд

«Автор»

2026

Подземный С.

Сталь и Лёд / С. Подземный — «Автор», 2026

Империя людей умирает. Не в героической битве под знаменами, а в зловонном гниении заживо. Тракт Роз, когда-то объединявший западные провинции с центром, зарос некротическим терновником. В этом мире старые боги замолчали, а Свет Ордена Очищающего Пламени не приносит тепла — он лишь выжигает тьму вместе с живой плотью.

© Подземный С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Эпоха пепла	5
Глава 1: Рассвет	7
Глава 2: Имущество Ордена	18
Глава 3: Пробуждение в пепле	31
Глава 4: Номер 412	41
Глава 5: Кузница Света	50
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сергей Подземный

Сталь и Лёд

Пролог: Эпоха пепла

Империя людей умирает. Это не та быстрая и милосердная смерть от удара меча, которую воспевают в пафосных героических балладах бродячие музыканты. Это медленное, злобное и мучительное гниение заживо, когда плоть цивилизации отваливается кусками, обнажая почерневшие кости старых законов и традиций.

Золотой град, сердце Империи, всё еще возвышается над центральными равнинами Аурелии, но его блеск потускнел. Его высокие стены, воздвигнутые величайшими зодчими прошлого, покрыты сетью трещин, которые замазывают дешёвым раствором, а в богатых кварталах запах дорогих благовоний не может скрыть тяжелый дух безнадежности. Император, чьё имя когда-то произносили с искренним благоговением, остается суровым и стойким, словно старая статуя, которую забыли снести. Он — символ былой власти, человек железной, но надломленной воли. Его указы становятся всё более жестокими, налоги — непомерными, а инквизиция действует с его молчаливого, усталого согласия, выжигая целые поселения ради призрачного шанса остановить заразу. Но даже этой стальной хватки, этих безжалостных мер и неисчислимых жертв оказывается недостаточно. Масштабы катастрофы давно превысили возможности смертных правителей. Ресурсы на исходе: зернохранилища пустеют, а леса, некогда дававшие лучшую древесину для флота, теперь превратились в логово всевозможных тварей.

На юге, где когда-то колосились золотые хлеба, засушливые степи Планарии теперь дрожат под ритмичный, сводящий с ума бой барабанов, обтянутых кожей павших воинов. Там «Зеленый прилив» — методично вгрызается в оборонительные валы. Это война на истощение, где неисчислимые, первобытные орды орков и гоблинов не знают усталости и морали. И лишь дворфы в своих колоссальных подземных городах-крепостях, вырубленных в недрах Железных гор, ведут свою вечную, скрытую от глаз людей войну. Они служат щитом для Хартленда, преграждая путь зеленокожим вглубь Империи. Эти суровые мастера камня и стали — единственное, что удерживает южный фронт от полного и окончательного обрушения. Но их доверие к Империи тает с каждым днем: дворфы видят слабость людей и всё чаще задумываются о том, чтобы навсегда, предоставить поверхность её собственной участи.

На севере, за неприступным Железным хребтом, Бореалия и Нивария захлебываются в багровом безумии. Там племена каннибалов, окончательно отринувшие всё человеческое, творят ритуалы, от которых стынет кровь в жилах даже у самых закаленных ветеранов. «Шёпот», доносящийся из ледяных, безжизненных пустошей, — это не просто ветер, а нечто ужасное чуждое человеческой природе, разъедающее разум. Он шепчет о силе, купленной ценой чужого страдания, он обещает спасение в безумии. Психика северян за столетия жизни в этом аду превратилась в камень, но даже этот камень дает глубокие трещины под напором первобытного ужаса. Те, кто не выдерживает давления Шёпота, уходят в леса, чтобы вернуться оттуда монстрами, лишёнными памяти, но наделёнными чудовищной силой. Север — это край, где грань между человеком и зверем тонка, как слой инея на костяном ноже.

А на западе... на западе лежат Мёртвые земли. Там нет жизни в привычном понимании этого слова. Там не может существовать даже естественный процесс разложения — плоть не

гниёт, она просто застывает в вечном, неестественном безмолвии, пропитываясь некротической энергией. Там правит озонный смрад — резкий, металлический запах, который предвещает появление стай «пустых». Эти оболочки, лишённые душ и воли, но движимые неутолимим, голодом к теплу живых тел, ждут своего часа. Скверна в Мёртвых землях — это осязаемая энергия распада, туман, который вползает в Западные провинции, превращая всё к чему прикасается в серые пустоши. Тьма здесь — стремится поглотить всё, что ещё сохраняет искру жизни. Каждый шаг «пустых» в сторону Золотого града — это приговор очередной деревне, очередной семье, очередному ребёнку.

Среди всей этой беспросветной безнадёжности, на стыке рушащихся границ и магического хаоса, стоит Орден Очищающего Пламени. Это суровые люди в белых плащах, чей Свет не приносит ни тепла, ни утешения. Их магия — это абсолютный, кристально чистый холод, способный выжигать Тьму вместе с теми несчастными, кто имел неосторожность к ней прикоснуться. Паладины и инквизиторы Ордена давно не ищут любви или признания народа. Они — хирурги Империи, хладнокровно отсекающие заражённые конечности, чтобы спасти или хотя бы на время отсрочить гибель. Для них человеческая жизнь — лишь ресурс, цифра в бесконечных отчетах интендантов, топливо для войны, которой не видно конца. Они верят в порядок, возведённый в абсолют, и в дисциплину, которая крепче стали.

В этом мире старые боги замолчали, а действительность слишком жестока. Вера в Богов-Близнецов превратилась в сказки для тех, кто боится темноты, ведь в реальности Свет и Тьма — это просто две стороны одной и той же разменной монеты в игре на выживание. Империи больше не нужны герои в сияющих доспехах, совершающие подвиги ради чести. Империи нужна сталь, расчёт и полное отсутствие жалости. Ей нужен тот, кто готов испачкать эту сталь в пепле сожжённых домов и крови предателей, чтобы хотя бы на мгновение замедлить неумолимую поступь конца.

Эпоха героев прошла. Наступила Эпоха Пепла. И в её сером мареве рождаются новые люди, которые еще не знают, станут ли они спасением Империи или её погребальным костром.

Глава 1: Рассвет

Утро в Суходоле никогда не приносило того благословенного чувства обновления, о котором когда-то, в прошлой жизни, пели бродячие музыканты на Тракте Роз. В те легендарные времена, рассвет считался символом надежды, временем, когда Боги-Близнецы улыбались миру, а золотые лучи солнца выжигали ночные кошмары. В старых сказках, которые Калёб слышал в редкие минуты спокойствия, утро было наполнено пением птиц и запахом свежескошенной травы. Теперь, всё было иначе. Рассвет в Западных провинциях не прогонял тьму, а лишь менял её состояние — с густой, непроглядной чернильной тьмы на липкий, грязный серый туман. Этот туман не просто висел в воздухе; он медленно перекачивался по изувеченной земле, затекая в щели разошедшихся стен и оседая на коже жирных некротических грибов, облепивших остовы мертвых яблонь.

Для семилетнего Калеба Варта утро начиналось не с солнечного зайчика на стене. Сама почва Суходола, пропитанная некротическими миазмами мёртвых земель, каждое утро исторгала из себя холодные испарения. Мальчик проснулся от звука собственного дыхания. Оно вырывалось изо рта прерывистыми белесыми лентами, которые на мгновение зависали в неподвижном воздухе, а затем оседали микроскопическим, колючим инеем на грубом шерстяном одеяле. За ночь одеяло стало тяжелым, влажным от сырости, пропитавшей стены дома. Калёб не стал нежиться, не стал искать тепла в остатках сна. В Суходоле дети быстро, усваивали горькую истину: лишняя минута под одеялом не дает тепла, она лишь делает последующий холод более мучительным, более резким. Холод здесь казался был живым существом, которое ждало момента, чтобы вцепиться в кости и выпить остатки жизненной искры.

Он быстро соскользнул с лежанки. Подошвы босых ног коснулись пола. Ощущение было таким, словно он наступил в холодную лужу. Калёб натянул штаны из грубой дерюги. Ткань была жесткой, немилосердно терла кожу, но она была прочной — единственное качество, которое имело значение. Колени штанов были покрыты многочисленными заплатами, наложенными матерью, — следами бесконечного ползанья по заброшенным огородам и опушкам лесов в поисках чего-то съедобного: старой репы, корней или сухих веток для растопки. Рубаха из некрашеной мешковины, такая же жёсткая и колючая, как терновник за окном, привычно впиалась в худые плечи мальчика.

Калёб коснулся груди. Там, под рубахой, на шнурке из плохо выделанной свиной кожи висел его деревянный амулет. Это была простая фигурка, вырезанная из темного дерева. Она представляла из себя небольшую пластинку с грубо выцарапанным непонятным символом. Мальчик выменял её у бродячего торговца прошлым летом, когда тот проезжал через Суходол на своей покосившейся телеге. Торговец выглядел как живой мертвец — серый, облезлый, с глазами, в которых застыл вечный ужас Тракта. Калёб отдал за амулет свою самую ценную коллекцию — горсть идеально гладких, речных камней, которые он собирал три года. Торговец тогда шепнул: «Держи его ближе к сердцу, малец. Дерево помнит солнце, когда всё остальное уже забыло». Амулет всегда казался Калебу чуть теплее окружающего воздуха, он надеялся что эта безделушка хранит в себе частичку тех земель, где по слухам, небо всё еще остается синим.

— Калёб, — раздался из-за тонкой деревянной перегородки голос отца. Это не был призыв к пробуждению, это была сухая констатация факта начала дня.

Элвин Варт уже был на ногах. Калёб слышал мерный скрип половиц — отец проверял засовы, как делал это каждое утро и каждый вечер. Голос отца звучал глухо, с характерной хрипотцой, которая появлялась у всех жителей западных провинций после тридцати лет — результат вечного вдыхания болотных испарений и ледяного тумана. Элвин был высоким широкоплечим мужчиной, чья фигура казалась вырубленной из того же дуба, с которым он работал

всю жизнь. Но за последние годы его спина заметно согнулась, словно на плечи ему давил невидимый груз умирающего мира.

— Вода сама себя не принесёт, бочки не станут полнее от твоих снов. Мальчик ничего не ответил. Слова в Суходоле ценились дорого, их не тратили впустую на утренние приветствия или жалобы. Каждое лишнее предложение высасывало силы, которые лучше было поберечь для работы. Он взял два маленьких деревянных ведра, которые отец сделал специально под его рост. Дерево вёдер было старым и потемневшим от времени до черноты.

Выйдя из дома, на многих дверных косяках Калёб видел свежие, еще липкие пятна дегтя. Люди мазали их каждый вечер перед закатом, надеясь, что резкий, запах собьет со следа «пустого», если тот решит забрести в деревню. Это было суеверие, в которое не верил даже угрюмый староста, но которое давало людям призрачную, хрупкую иллюзию контроля над собственной жизнью. Деготь был последним барьером между ними и тем ужасом, что находился за лесом.

Путь к общественному колодцу пролегал через всю деревню. Калёб шел сосредоточенно, стараясь наступать только на выступающие камни, чтобы не увязнуть в жирной, чавкающей грязи, которая, казалось, имела собственную волю и пыталась стащить с него сапоги. Воздух был неподвижен. Тишина стояла такая глубокая и неестественная, что мальчик отчетливо слышал биение собственного сердца — быстрый, неровный ритм — и тихий, раздражающий скрип деревянных дужек ведер. Вдалеке, на границе Игольчатого леса, мелькнула тень — или это просто туман сыграл шутку с его глазами? Здесь никто не мог быть уверен до конца.

У колодца уже кто-то был. Сгорбленная, почти сложившаяся пополам фигура в обрывках старого, когда-то серого плаща медленно, с хрустом в суставах вращала ворот. Это был дед Махей — самый старый житель Суходола, а возможно, и всей провинции Весперия. Говорили, что он помнит времена, когда Император был молодым воином, а Тракт Роз — безопасной артерией, по которой караваны везли не только гробы и инквизиторов. Махей был живым реликтом, ходячей энциклопедией утраченного мира.

— Опять туман, малец, — прошамкал старик, не поворачивая головы. Его глаза, затянутые густой белесой пеленой, смотрели куда-то сквозь туман, в сторону Игольчатого леса. — Слишком густой даже для осени. Такой туман любит Тьма. В нем она прячет свой оскал, в нем она пробует наш мир на вкус. Слышал, что на тракте рассказывают те немногие, кто рискнул проехать мимо Каменки?

Калёб молча поставил свои ведра у края колодца, ожидая своей очереди. Он знал, что Махею не нужны ответы, ему нужен слушатель.

— Каменка... Лощина... — Махей перечислял названия соседних деревень медленно, нараспев, словно читал похоронную молитву по ним. — Три дня как ни одного гонца, ни одного дымка над лесом. Скверна идёт, она ползет как лишай, по коже старого больного пса. Она впитывается в землю, отравляет корни. Тракт Роз зарос черными шипами так сильно, что обозы Ордена тратят огромное количество времени, для того что бы прорубить путь сквозь них. А паладины... паладины Ордена идут следом. Пыль на тракте вчера видели в десяти километрах к северу. Их свет выжжет нас быстрее, чем любая нежить, если они учуют в нас хотя бы тень болезни или тьмы. Для них мы — лишь гнилая солома, которую проще сжечь дотла.

Махей наконец вытянул ведро. Вода в нем была мутной, с отчетливым серым осадком, который не оседал даже спустя время. Она пахла ржавым железом и застоявшимся торфом. Старик зачерпнул горсть воды и поднес к лицу.

— Когда-то из этого колодца пили короли, когда Тракт Роз еще цвел. Мой дед рассказывал, что вдоль дороги росли настоящие розы, красные, как кровь живого человека. Воздух пах медом, а не озоном. Мы жили в самом сердце мира. А теперь мы — короста на его краю.

Калёб смотрел на воду. Он видел грязную жижу, которую ему придется пить. В Суходоле не было места для ностальгии. Мальчик занял место у колодца и начал наполнять свои ведра.

Тяжесть сырой древесины и воды сразу отозвалась резкой, колючей болью в плечах, но он даже не поморщился. Он знал, что боль — это одно из того небольшого, что доказывает, что он еще не превратился в «пустого».

— Махей, а Золотой град... он всё еще стоит? — внезапно спросил Калев, этот вопрос мучил его давно. Золотой град в рассказах взрослых был чем-то вроде рая, места, где Скверна бессильна перед высокими стенами и силой Императора.

Старик замер, его беззубый рот искривился в подобии горькой улыбки.

— Стоит, малец, стоит, но золото его потускнело. Говорят, там теперь больше солдат, чем горожан, а стены его покрыты такой вязью рун, что птицы замертво падают, пролетая мимо. Золотой град — это сердце, которое пытается перекачать кровь в мертвое тело империи. Он высасывает из нас последнее зерно, последних лошадей и последних детей, чтобы накормить Орден. Они строят свой порядок на нашем пепле.

Махей потянулся к плечу Калеба своей сухой, как пергамент, рукой. Его пальцы напоминали когти стервятника.

— Ты рыжий, малец, яркий, в это время — это проклятие. Тьма любит яркое, она тянется к нему, чтобы погасить. Будь тихим, Калев, будь серым, как этот туман. В наше время выживает не самый храбрый, а тот, кто лучше всех притворился мертвым.

Калев кивнул, хотя до конца не понял слов старика. Он просто чувствовал, как тяжелые ведра оттягивают руки, а холодная вода плещется на лодыжки, обжигая кожу ледяным поцелуем. Он развернулся и медленно побрел обратно к дому, стараясь сохранять ритм дыхания. Туман вокруг него стал еще гуще, и на мгновение мальчику показалось, что из серой хмари на него смотрят десятки пустых, подернутых пленкой глаз. Они не выражали ни злобы, ни голода — только бесконечное, зияющее ничто.

Дома мать уже возилась у очага. Она раздувала угли, и её лицо, когда-то бывшее красивым и нежным, теперь напоминало застывшую маску из серой глины. Волосы Элины, которые отец когда-то называл осенним пожаром, теперь потускнели. — Поешь, — сказала она, ставя перед ним щербатую глиняную миску.

Завтрак был неизменным на протяжении последних месяцев: жидкая, почти прозрачная похлебка, в которой плавали редкие, жесткие кусочки старой, волокнистой репы. Калев ел медленно, смакуя каждую каплю, стараясь обмануть желудок, который постоянно требовал большего. Мальчик доел всё до конца. Он знал: это единственное, что получит его тело до самого заката.

Отец сидел напротив, его огромные, мозолистые руки лежали на столе как два массивных обломка скалы. Элвин был мастером, чьи изделия когда-то заказывали даже в Дубовой Гавани. Но сейчас всё его мастерство оказалось никому не нужно. Калев видел, как пальцы отца подрагивают, когда тот сжимает ложку.

— Сегодня закончим южную стену сарая, — произнес отец, не поднимая глаз. Его взгляд был устремлен вглубь тарелки, словно он читал там приговор. Ночью будет ветер с запада, плохой ветер, я видел, как металл на петлях начинает плакать.

Калев вздрогнул: «плачущий металл» — так в Пограничье называли явление, когда из-за высокой концентрации некротического фона на железе выступала темная, едкая влага. Это был верный признак того, что тьма подошла вплотную. И Суходол судя по всему был следующей целью в этом бесконечном списке на уничтожение. Мальчик посмотрел в окно, но увидел лишь бесконечный серый туман, скрывающий мир, который он никогда не увидит в его истинном свете.

Свет — это вообще была категория исчезающая, почти мифическая, как те самые розы, в честь которых когда-то называли одну из главных дорог Империи. Элвин не любил, когда сын слишком долго смотрел в пустоту за окном. Плотник тяжело поднялся из-за грубо сбитого стола, и его суставы издали сухой звук, подозрительно похожий на треск пересохшей древе-

сины. Он медленно подошел к Калебу и положил свою огромную ладонь на его ярко-рыжую голову, на мгновение полностью закрывая мальчику обзор на туманную улицу. Рука отца пахла старой хвоей, едким скипидаром и застарелым, вьевшимся в поры потом — запахами честного, тяжелого труда, который в этом медленно умирающем мире всё чаще казался бессмысленным, почти бесполезным занятием.

— Хватит кормить глаза этим туманом, сын, — голос Элвина был низким. — Иди в сарай, принеси мой кожаный пояс с инструментами, сегодня нам нужно во что бы то ни стало закончить укрепление ставней в задней комнате. Сама земля под нами становится чужой, Кaleb, она больше не хочет нас кормить.

Кaleb молча и послушно кивнул. Он прекрасно знал, что «плачущий металл», о котором говорил отец, — это не поэтическая метафора или плод воображения изможденного человека. Утром, проходя через сени, мальчик отчетливо видел, как на тяжелых железных петлях входной двери выступили капли темной, густой и маслянистой жидкости.

Сарай стоял чуть поодаль, и путь к нему лежал мимо кучи старого, почерневшего горбыля, который отец когда-то надеялся пустить на новую ограду. Кaleb заметил, что за одну только ночь обычный мох на камнях приобрел неестественно яркий, почти светящийся лиловый оттенок. Он невольно вспомнил пугающие слова деда Махея о том, что тьма всегда сначала меняет цвета привычного мира, делая их болезненно-красивыми и манящими, прежде чем окончательно превратить всё сущее в безжизненный серый пепел. Лиловый мох выглядел как ядовитая язва на теле камня и Кaleb поспешил отвести глаза.

Внутри сарая пахло значительно лучше — здесь всё еще доминировал здоровый, честный запах сухой древесины, которую отец берег пуще золота. Элвин Варт не просто назывался плотником; он был истинным мастером, который чувствовал душу каждого полена. Но сейчас его высокое искусство сузилось до создания щитов и гробов. На массивном верстаке лежали заготовки для новых дверных засовов — тяжелые брусья из «мертвого дуба». Это редкое дерево не росло в лесах Весперии; его привозили из центральных провинций Хартленда за огромные деньги, потому что оно обладало уникальным свойством: не поддаваться гниению и магии распада даже в самых глубоких и зловонных болотах Палудии. Для семьи плотника покупка такого бруса означала отказ от мяса на целую зиму, но Элвин считал, что лучше умереть от голода за прочными дверями, чем быть съеденным живьем в собственной постели.

Кaleb нашел отцовский пояс. Он был невероятно тяжелым для семилетнего ребенка, с глубокими карманами, в которых мерно позвякивали инструменты. Мальчик с трудом поднял его обеими руками, чувствуя, как грубый ремень врежется в ладони.

Когда Кaleb вернулся неся инструменты, отец быстро, почти грубо забрал у сына тяжелый пояс и, не говоря больше ни единого слова, буквально затащил его внутрь избы, мгновенно захлопнув тяжелую дверь и задвинув новый, еще пахнущий засов. Мать Калеба, стояла у очага, прижимая к груди пустую глиняную миску так сильно, словно та была её единственным щитом. Её глаза, уставшие глаза, лихорадочно блеснули.

Кaleb слушал приглушенный разговор родителей. Он еще не понимал многих терминов, которые использовали взрослые, но он чувствовал: мир, который они так отчаянно и безнадежно пытались защитить досками, дегтем и молитвами, начинает рассыпаться в прах под их ногами.

Отец немедленно принялся за работу. Его движения были точными и экономными. Он вбивал длинные железные гвозди в раму единственного окна в задней комнате так, словно сражался с невидимым, но вполне осязаемым врагом. Кaleb стоял рядом, и каждый тяжелый удар молотка отдавался в голове мальчика гулким колоколом.

— Послушай меня внимательно, Кaleb, — Элвин на мгновение остановился, вытирая обильный пот со лба тыльной стороной ладони. — Орден Очищающего Пламени обязательно придет в Суходол. Они всегда приходят туда, где земля начинает стонать от Скверны. Но ты

должен твёрдо запомнить: они приходят не для того, чтобы спасти семью плотника или деда Махея. Они приходят для того, чтобы убедиться, что огонь Порядка не погас окончательно. Если ты когда-нибудь увидишь их всадников — тех, что облачены в ослепительно белые плащи с пылающим солнцем на груди, — не беги к ним с радостными криками о помощи. Для них все мы — лишь ресурс, который может либо гореть, давая чистый Свет Ордену, либо гнить, давая пищу Тьме. И они, не задумываясь и не испытывая жалости, сожгут всё, если заметят хотя бы малейший намёк болезни или тьмы.

— Но ведь они — защитники нашей Империи... — подал тихий голос Кaleb, пытаясь вспомнить редкие и красивые сказки о героях прошлого, которые защищали слабых.

— Император слишком далеко отсюда, сын, он сидит в Золотом граде за стенами такой высоты, какой мы с тобой никогда не увидим даже во сне. А Орден — он здесь, он везде. Они — безжалостные хирурги Империи, и если они сочтут что часть нужно ампутировать нам не поможет никто. Твой амулет... — отец сурово указал пальцем на шнурок на шее мальчика. — Если инквизитор увидит его, то, может решить, что это предмет запретного культа или артефакт тьмы. Они не любят разбираться в мелочах и нюансах. Любая магия, кроме их собственного ледяного Света, — для них тьма в той или иной степени. Спрячь его и забудь о его существовании.

Кaleb послушно засунул деревянную безделушку за пазуху, чувствуя, как дерево касается кожи его груди. Он посмотрел на мать. Элина в этот момент пыталась навести в доме хотя бы подобие того старого порядка, который существовал раньше, — она вытирала несуществующую пыль с полок, поправляла занавески, которые уже давно не видели солнца. Это была её личная, тихая форма борьбы с наступающей безнадёжностью — делать вид, что их привычный быт всё ещё имеет какую-то ценность. Она подошла к сыну и нежно, провела рукой по его волосам.

— Ты у меня такой яркий, Кaleb, — в её голосе, обычно сухом, вдруг отчетливо послышались непролитые слезы. — Как маленький костер на бескрайнем снежном поле. Твой отец прав, в этом мире безопаснее всего быть незаметным. Но я... я так боюсь, что этот густой туман когда-нибудь заберет и твой цвет тоже, превратив тебя в один из тех камней на Тракте Роз, которые уже ничего не чувствуют.

Работа по укреплению дома продолжалась в гнетущей тишине до самого полудня. Воздух внутри стал спертым и тяжелым — закрытые мощными ставнями изнутри окна не пропускали скудные, болезненные лучи осеннего солнца. Единственным источником освещения оставалась старая масляная лампа и тускло тлеющие угли в очаге, отбрасывающие на стены причудливые, пугающие тени. Кaleb помогал отцу таскать массивные дубовые плахи, когда снаружи раздался шум, и крики.— Это со стороны дома Берга, — коротко и хрипло бросил Элвин, хватая свой тяжелый топор, который всегда стоял у самой двери.

Он не стал тратить время на раздумья или лишние слова. Плотник стремительно подошел к выходу и, коротко бросив жене: «Запирайся за мной немедленно и не смей открывать, пока не убедишься, что это я», выскочил наружу, в серую хмарь. Кaleb, вопреки строгому приказу отца сидеть тише воды и не высовываться, инстинктивно прильнул к узкой, едва заметной щели в ставнях, которую они еще не успели окончательно заделать. Его сердце билось в груди так сильно и неритмично, что ему казалось, будто оно сейчас проломит ребра.

Снаружи туман стал еще плотнее, приобретя какой-то грязновато-желтый оттенок. В этой серой взвеси мальчик увидел расплывчатые силуэты людей. Староста деревни, дед Махей и еще двое крепких мужчин тащили что-то тяжелое по мерзлой земле, вернее, они тащили самого Берга. Сосед, который совсем недавно казался Калебу воплощением физической мощи, способный голыми руками поднять наковальню, — теперь выглядел как обломок серой скалы, обтянутый старым, потрескавшимся пергаментом.

— Он еще жив? — крикнул староста, когда Элвин подбежал к ним, на ходу перехватывая топор.

— Дышит... если это вообще можно назвать дыханием, — ответил один из мужчин, и Калев увидел сквозь щель, как тот брезгливо и часто вытирает руки о свою рубаху, словно пытаясь избавиться от невидимой заразы. — Мы нашли его у Черного ручья. Он лежал лицом вниз около воды.

— Скорее всего не выживет, — раздался надтреснутый, но удивительно четкий голос деда Махея. Старик подошел ближе ко всей группе, опираясь на свою узловатую клюку. Его подслеповатые глаза, казалось, видели в этот момент гораздо больше и глубже, чем все остальные зрячие. — Болезнь не просто коснулась его тела снаружи. Смотрите на его вены.

Мужчины, преодолевая брезгливость и сковывающий страх, потащили несчастного Берга к массивному строению в центре Суходола. Отец шел следом за ними, сжимая топориче. Калев видел, как отец на мгновение остановился, обернулся и посмотрел в сторону своего дома — прямо в ту самую узкую щель в ставнях, через которую за ним наблюдал мальчик. В этом коротком взгляде плотника не было страха за собственную жизнь, в нем читалась только бесконечная, черная, как сама бездна, обречённость.

Едва Элвин переступил порог дома, грохнув тяжелыми дубовыми засовами, тишина внутри избы стала почти осязаемой — она давила на барабанные перепонки. Отец больше не брался за свои инструменты, не пытался что-то чинить или укреплять. Он просто тяжело опустился на скамью за столом, положив свои огромные, изрезанные глубокими мозолями ладони перед собой, и замер, уставившись на крошечный, пляшущий язычок пламени в масляной лампе. В его глазах отражался этот единственный огонек — последняя искра разума в мире, который стремительно и неотвратно погружался в безумие.

Калев пристроился на своей узкой лежанке в углу, стараясь не шевелиться и даже не дышать слишком громко. Он чувствовал, как в доме, вопреки заделанным щелям и заколоченным окнам, нарастает странное, давление. Из общинного сарая, где заперли несчастного Берга, начали доноситься звуки, которые невозможно было спутать ни с какими природными шумами. Это не были крики боли, мольбы о помощи или человеческий плач. Это были удары — глухие, ритмичные, лишённые всякой человеческой усталости. Словно тяжелый, набитый мокрым песком мешок с огромной силой ударяли о каменную стену.

— Он пытается выйти, Элвин, — прошептала Элина. Она сидела на полу у самых ног мужа, обхватив свои плечи руками и мелко раскачиваясь из стороны в сторону. — Ты слышишь? Этот звук... он бьется всем телом.

— Это уже давно не Берг, — голос плотника был сухим и плоским, как старый пергамент, найденный в руинах. — он умер еще три часа назад, когда он лежал у Черного ручья. Сейчас его телом управляет болезнь. Он будет биться о ту дверь до тех пор, пока дубовые доски не треснут или пока его собственный череп не превратится в костяную крошку. У Тьмы нет жалости к своим инструментам, Элина. Для неё Берг — всего лишь таран, направленный в нашу сторону.

Мальчик прижал ладони к ушам, пытаясь отгородиться от этих звуков, но они просачивались сквозь пальцы. Он живо представлял себе Берга — их доброго соседа, который прошлым летом, когда Тракт еще не был таким опасным, подарил Калебу самодельную деревянную свистульку. Серая немочь не понаслышке была известна в западных провинциях: кожа становится сухой и ломкой, как пергамент, а потом наступает безумие.

Резкий запах озона начал медленно просачиваться в дом. Он был колючим, вызывающим жжение в ноздрах и странный, тревожный привкус на языке, от которого хотелось постоянно сглатывать. Для Калеба этот запах навсегда стал запахом смерти еще до того, как он увидел первого настоящего мертвеца. Мальчик почувствовал, как его желудок сжимается в тугую, болезненный узел, а во рту становится сухо.

— Пахнет грозой, отец, — тихо, одними губами произнес он, не сводя глаз с профиля Элвина.

Элвин вздрогнул, словно его ударили, и медленно повернул голову к сыну.

— Нет, Кaleb, гроза на полях Аграрии приносит жизнь и очищение. Этот же запах приносит только пустоту и холод. Помнишь, что я говорил тебе про подпол? — Голос отца стал жестким, приказным. — Иди немедленно и проверь, всё ли там готово, принеси туда ту флягу с водой, что стоит в сенах. И мешок с сухарями, живо!

Кaleb послушно сполз с кровати, стараясь не издавать лишних звуков. Он подошел к тяжелому люку в полу кухни, который они с отцом укрепляли на прошлой неделе; из открывшейся темноты подпола пахло привычной сыростью, землей и старой картошкой — земными, понятными запахами, которые сейчас казались мальчику самыми спасительными на свете. Он спустился вниз по шаткой деревянной лестнице. Это было место, где он должен был затаиться, в случае опасности. Он разложил шерстяное одеяло в самом дальнем и темном углу, за массивной дубовой кадкой, в которой когда-то была квашеная капуста. Здесь было тесно, холодно и тихо. Вернувшись наверх, он застал родителей в странном, застывшем напряжении. Отец стоял у заколоченного окна, приоткрыв одну из створок ставней. Мать стояла прямо за его спиной, вцепившись побелевшими пальцами в рубаху мужа. Её губы беззвучно шевелились, произнося слова молитвы Богам-Близнецам, в которых уже не было веры.

— Гляди, Элвин... там, на дальнем холме... — прошептала она, указывая дрожащей рукой в сторону горизонта.

Кaleb подошел ближе и, затаив дыхание, выглянул в приоткрытую створку. Там, где Тракт Роз уходил на север, внезапно появились огни. Это не были рыжие, коптящие факелы беженцев или костры мародеров — те горели неровно. Эти огни были иными. Белые, мертвенно-холодные точки Света, которые не колебались под порывами ветра. Они двигались в строгом порядке, ровной линией, буквально разрезая туман.

— Орден... — выдохнул Элвин. В его голосе смешались дикая надежда и такая же глубокая обреченность. — Разъезд паладинов.

— Значит, мы действительно спасены? — в глазах Элины на мгновение вспыхнула безумная, почти лихорадочная радость.

— Спасены?! — возможно, — отец резко закрыл ставню и с грохотом опустил тяжелый железный засов, отсекая свет. — Но паладины Ордена не лечат больных и не утешают вдов. Они зачищают очаги тьмы. Если этот отряд возглавляет Инквизитор и он решит, что Суходол пропитан ей слишком глубоко, он просто отдаст приказ сжечь деревню дотла. Для них чистота территории и безопасность Тракта несоизмеримо важнее жизни тех десяти семей, что здесь доживают свой век.

Спустя пару часов звук ритмичных ударов из общинного сарая внезапно, прекратился. Наступила тишина настолько плотная и звенящая, что она была во сто крат страшнее любого самого жуткого шума. Кaleb почувствовал, как по его позвоночнику пробежали ледяные мурашки, а волосы на затылке встали дыбом. В этой мертвой тишине он отчетливо услышал, шаги снаружи, совсем рядом с их крыльцом. Шаги были тяжелыми.

— Они уже здесь, — Элвин перехватил свой тяжелый плотницкий топор обеими руками, его мышцы на предплечьях вздулись. Внезапно в дверь дома постучали. Это не был ломящийся в безумии мертвец, который разносит доски. Стук был коротким, властным, металлическим и размеренным. Словно по дереву трижды ударили тяжелой латной рукавицей.

— Именем Ордена Очищающего Пламени! Немедленно открывайте! Плановая проверка на наличие серой немочи! — голос снаружи был полностью лишен человеческих интонаций, он звучал как скрежет заточенного металла о холодный камень.

Отец и мать испуганно переглянулись. Элвин, медленно, не делая резких движений, подошел к двери, не выпуская топора из правой руки; левой отодвинул массивные засовы. На

пороге возникла фигура, которая навсегда, запечатлелась в памяти Калеба. Это был младший Брат Ордена — еще не посвященный в паладины, но уже переставший быть обычным человеком. На нем был длинный серый холщовый плащ поверх тяжелой кольчуги, а лицо полностью скрывал шлем, в глубокой тени которого виднелись лишь холодные, немигающие глаза. В руках он держал копьё.

За спиной воина, в сером колышущемся тумане улицы, Калёб разглядел еще нескольких младших Братьев, а также всадников. Они сидели на массивных боевых конях, целиком закованных в доспехи, и их белые плащи с эмблемой пылающего солнца тускло светились в наступающих сумерках. В самом центре этой группы возвышался Инквизитор: его доспех был вороненым, покрытым сложной вязью светящихся синих рун, а за спиной тяжело развевался плащ цвета запекшейся крови. Он не смотрел на людей — его взгляд был направлен куда-то сквозь дома, в сторону темной стены Игольчатого леса, словно он видел там нечто, недоступное зрению простых смертных.

— Это все находящиеся в доме? — спросил воин, бесцеремонно заходя внутрь. Он не просил разрешения, он просто вошёл, мгновенно впуская в тесную комнату колючий холод.

— Да, господин... — Элвин медленно опустил топор, склонив голову в жесте вынужденного почтения. — Я — Элвин Варт. Это моя жена Элина и мой сын Калёб, мы верные подданные Империи.

Воин полностью проигнорировал представление и слова о верности. Он медленно поднял правую руку, и в его ладони внезапно вспыхнул маленький, идеально ограненный кристалл. Воин прошел мимо отца к матери, затем приблизился к Калёбу; кристалл в его руке оставался прозрачным и чистым.

— Эти чисты, — коротко и беспристрастно бросил воин, оборачиваясь к открытой двери. — Капитан, в этом доме признаков болезни не выявлено.

Один из всадников едва заметно кивнул воину. Инквизитор, тоже повернул голову. Его лицо было открытым — холодное, застывшее, оно казалось высеченным из того же камня, из которого строились неприступные стены цитадели Очищения. Его глаза, на мгновение остановились на рыжих волосах Калеба. Мальчик почувствовал, как под этим ледяным, пронизывающим взглядом его воля превращается в ничто; ему показалось, что Инквизитор видит его насквозь — видит его ночной страх, его надежду и даже деревянный амулет, спрятанный под рубахой на груди. Калёб замер, боясь сделать даже мизерный вдох, но Инквизитор спустя долгое мгновение снова отвернулся к лесу.

— Господин инквизитор, — произнес сержант Хельг. — Нам доложили, что в том общинном строении справа находится активный носитель болезни.

— Немедленно приступить к процедуре полной проверки жителей, всех собрать в центре деревни. Любое сопротивление подавлять сталью без тени сомнения, — приказал инквизитор.

— Будет исполнено, господин, — глухо отозвался сержант из тумана. — Вы слышали приказ! — прокричал он — выгоняйте всех наружу!

Воин, стоящий в доме, грубо толкнул Элвина в плечо древком копья.

— Всем немедленно выйти на улицу! Живо! Любой, оставшийся внутри помещения, будет признан заражённым и сожжен вместе со всем поселением. У вас есть ровно тридцать секунд.

Калёб судорожно схватил мать за холодную руку, они вышли на крыльцо, и мальчик ахнул. Повсюду сновали воины в серых плащах — Младшие братья. Они безжалостно выламывали двери, вытаскивая полуодетых, рыдающих от ужаса людей и сгоняли их всех к центру деревни, у общественного колодца уже выстроилась длинная очередь из напуганных жителей под надзором конных паладинов. Дед Махей стоял чуть в стороне, прислонившись к каменному срубу, его лицо было абсолютно спокойным и отрешенным, словно он заранее знал что это произойдёт.

Но самое страшное и завораживающее происходило у общинного сарая. Двое Братьев методично обливали бревенчатые стены строения густой угольно-черной жидкостью. Изнутри сарая донесся новый, неслыханный ранее звук. Это не был удар тела о дверь. Это был вой. Высокий, вибрирующий, звук, от которого у Калеба мгновенно заложило уши. Это был не сосед Берг. Это была сама Тьма, запертая в его умирающем теле.

В этот самый момент небо над Игольчатым лесом окончательно почернело, и на самой окраине деревни Кaleb увидел первую отчетливую тень, отделившуюся от вековых елей; это была не обычная нежить. Это было нечто гораздо более древнее, массивное и голодное, чем любой «пустой», когда-либо заходивший в эти земли.

Воздух казался стал настолько плотным, что каждый вдох давался с трудом, оставляя в легких едкий привкус озона. Инквизитор, до этого неподвижно сидевший на своем массивном коне, внезапно выпрямился. Его вороненый доспех вспыхнул ярко-синим сиянием рун.

— Всем занять оборону! — голос Инквизитора был похож, на удар тяжелого колокола. — Младшие братья — поднять щиты!

Кaleb почувствовал, как огромная ладонь отца сжала его плечо так сильно, что он едва не вскрикнул от боли. Элвин смотрел не на Инквизитора и не на «Древнего». Его взгляд был устремлен в сторону дома, который стоял на самой окраине, ближе всего к лесу; там, в сумерках, уже начали появляться десятки других теней — обычных «пустых», которые двигались жуткими ломаными движениями, подчиняясь воле своего вожака.

— Бежим, — коротко и хрипло бросил отец.

Плотник подхватил Калеба под мышку, второй рукой схватил Элину за запястье и рванул прочь. Вокруг них мир окончательно сорвался с петель. Сержант Хельг взмахнул своим клинком, и Братья бросили первые факелы в общинный сарай. Здание вспыхнуло мгновенно, но пламя не было рыжим или золотистым. Оно было ослепительно белым, почти прозрачным — химический огонь Ордена, пожирающий не только древесину, но и саму структуру тьмы. Изнутри сарая донесся последний визг Берга, который тут же сменился грохотом разлетающихся в щепки дубовых досок. То, что вырвалось из пламени, уже не имело формы человека; это был живой белый факел.

— К бою! — проревел Хельг.

Варты добежали до своей избы в тот момент, когда первые «пустые» достигли окраинных домов. Элвин буквально зашвырнул сына и жену внутрь и с грохотом захлопнул дверь, мгновенно опуская все три тяжелых засова, которые он так тщательно подгонял утром. Внутри избы было темно и пахло сухой сосной, но этот запах уже не приносил покоя.

Снаружи разгоралась битва: паладины и младшие братья уничтожали «пустых» с мастерством, которого простым людям достичь было практически невозможно. Но мертвецов было слишком много. Они лезли по крышам, проламывали ветхие стены, вгрызались в щели доспехов младших братьев, державших пеший строй вокруг конницы.

— В подпол! Живо! — Элвин схватил топор, стоявший у двери. — Орден не удержит деревню. Древний идет сюда. Кaleb, помнишь, что я говорил? Сиди тихо. И не смей выходить, даже если дом начнет рушиться.

Мать, плача, открыла тяжелый люк в полу кухни. Кaleb нырнул в темноту подпола, чувствуя, как холодный воздух погребца обнимает его тело. Элвин стоял сверху, его огромная тень нависала над ними, закрывая скудный свет лампы.

— Мама, папа, а вы? — позвал Кaleb, и его голос сорвался на плач. — Там места много!

Отец посмотрел на него. В его глазах, обычно суровых и сосредоточенных на работе, Кaleb увидел нечто похожее на нежность, смешанную с решимостью.

— Кто-то должен задвинуть стол на люк, сын. К тому же один человек излучает меньше жизненного тепла, на которое реагируют «пустые». Ты — Варт, ты, наше наследие, постарайся выжить и не потерять себя в этом мире.

Крышка люка захлопнулась с тяжелым, стуком. Сверху послышался натужный скрежет — отец задвигал массивный дубовый стол на место. Затем раздались его быстрые, четкие шаги в сторону сеней, звук проверяемого засова и... тишина, страшная, гнетущая тишина.

Кaleb сидел в кромешной тьме. В подполе пахло картофельной гнилью и сырой землей. Мальчик зажмурился, пытаясь представить, что он всё еще спит и ему снится кошмар, но звуки сверху не дали обмануть разум.

Дверь вылетела внутрь дома с жутким грохотом — засовы оказались бесполезны против нечеловеческой мощи монстра, «Древний» ворвался в дом.

Элвин бросился на вперед. Кaleb услышал удар топора — звонкий, металлический, словно отец ударил по наковальне; следом Кaleb услышал, как отец издал короткий, захлебывающийся стон, который тут же перешел в бульканье, а через секунду раздался вскрик матери, резкий и оборвавшийся почти мгновенно.

Мертвец постоял еще секунду, словно прислушиваясь к последним искрам тепла. Затем он медленно подошел к столу, который накрывал люк. Кaleb затаил дыхание, боясь, что даже стук сердца выдаст его. Он видел сквозь узкую щель в досках, как монстр остановился прямо над его головой; запах озона стал невыносимым, вызывая тошноту и металлический привкус на языке.

В этот момент деревянный амулет на груди Калеба, о котором он совсем забыл, внезапно раскалился прямо под рубахой, нестерпимо обжигая кожу. «Древний» постоял ещё мгновение, как будто прислушиваясь, после чего монстр развернулся и круша всё на своем пути, выскочил из дома наружу.

Тишина вернулась в дом Вартов, но это была тишина кладбища. Кaleb сидел в темноте, прижимая к груди амулет, который медленно остывал; и беззвучно плакал.

Спустя несколько часов, когда небо над горизонтом начало приобретать грязный, серый оттенок рассвета, Кaleb медленно поднялся. Его ноги затекли, а одежда прилипла к телу от холодного пота. Мальчик подошел к лестнице и начал толкать тяжелую крышку люка. Стол, видимо, был сдвинут «Древним», потому что крышка поддалась.

Кaleb выбрался в комнату, дом был разорён. Всё, что было дорого его семье — посуда с голубыми цветами, книги, инструменты — было либо разбито, либо валялось в беспорядке. В центре кухни лежал отец: в его груди зияла страшная рваная рана, а глаза были широко открыты, но в них не было ужаса — только спокойная твердость человека, выполнившего свой последний, самый главный долг. Тело матери валялось изломанной куклой в углу, куда его отбросило после чудовищной силы удара, снёсшего ей половину черепа. В этот момент внутри Калеба что-то надломилось, мир для него прекратил своё существование, а разум заволокла пелена холодной, чистой, как родниковая вода, ненависти.

Он вышел на порог, Орден выстоял но Суходол был разрушен: там, где раньше были дома соседей, теперь курились серые пепелища. В центре деревни палadini складывали огромный костёр, к которому подтаскивали тела «пустых» и павших. Битва дорого обошлась отряду: несколько младших братьев и один паладин, освобождённые от снаряжения квартирмейстером, лежали рядом с жителями деревни. Воины Ордена готовились отдать последние почести павшим в этой бессмысленной бойне.

Кaleb сделал первый шаг по направлению к Тракту Роз. Он шел по грязи, не чувствуя холода и не обращая внимания на происходящее вокруг. Палadini нагнали одинокую фигурку на дороге у самого выезда из деревни; сержант Хельг осадил коня, подняв забрало.

— Гляди-ка, — бросил он напарнику, указывая на рыжего мальчика, идущего сквозь туман. — Сектор 14 выдал нам единицу «имущества». И, судя по взгляду, этот материал будет крепче многих.

Паладин спрыгнул с коня. Кaleb остановился, глядя на воина снизу вверх; в его глазах не было мольбы о спасении, в них горел огонь, способный спалить этот мир дотла.

Глава 2: Имущество Ордена

Новая жизнь началась не с пафосных речей, а с грубого, лишённого всякой человеческой теплоты рывка. Рука паладина в латной рукавице, пахнущая металлом, сомкнулась на воротнике рубахи Калеба, и семилетний мальчик почувствовал, как его ноги оторвались от раскисшей земли Суходола. Сержант Хельг не смотрел ему в лицо; для него этот рыжий комок плоти был лишь ещё одной единицей, которую нужно было доставить в лагерь согласно параграфу 14 Устава Снабжения. Калеба буквально зашвырнули на спину вьючной лошади, которая плелась следом за боевым конём сержанта. Животное, нагруженное тюками, недовольно всхрапнуло, но подчинилось.

— Держись за гриву, — бросил Хельг, не оборачиваясь. — Упадешь — никто тормозить не станет.

Отряд развернулся и выдвинулся мгновенно, с пугающей синхронностью. Гулкий, ритмичный топот множества копыт заглушил последний звук, долетавший со стороны деревни — тихий треск догорающего погребального костра. Кaleb не оборачивался. Он вцепился тонкими, испачканными сажей пальцами в жёсткую, пахнущую пылью и старым потом гриву лошади. Его ноги, ещё не окрепшие и короткие, судорожно сжали бока животного. Под ним не было седла, только грубая ткань мешков, и каждый толчок отдавался в теле мальчика резкой, ключевой болью, пронзавшей позвоночник до самого основания черепа.

Отряд Ордена двигался на север. Кaleb смотрел на широкую спину сержанта, закованную в сталь. Белый плащ паладина, заляпанный чёрными пятнами того, во что превратилась кровь «пустых», тяжело развеивался на ветру, напоминая крыло огромной раненой птицы. Мальчик чувствовал, как холод Тракта начинает вгрызаться в его кожу. Его одежда — та самая рубаха, в которой он проснулся прошлым утром — была мокрой от пота и тумана, и теперь она липла к телу. Но Кaleb не дрожал. Внутри него, там, где раньше жили детские страхи перед грозой, теперь зияла огромная, бездонная яма. Она была заполнена пеплом его сожжённой жизни, и этот пепел был холоднее любого северного ветра.

Мир вокруг Тракта Роз в эти утренние часы выглядел пугающе. Туман, который раньше казался просто погодным явлением, теперь обрел для Калеба плотность и смысл. Это было дыхание Мёртвых земель, липкая серая взвесь, в которой всё живое казалось чужеродным и обречённым. Мальчик видел остовы брошенных телег по обочинам — скелеты купеческих амбиций, обглоданные временем и «чёрными шипами». Некротический терновник здесь был повсюду. Его иссиня-чёрные плети, усыпанные длинными, полыми иглами, жадно тянулись к дороге, словно пытаясь перегородить путь живым.

— Сержант, — подал голос один из всадников в середине колонны, указывая копьём на северную кромку леса. — Там свежие следы. Стая прошла здесь не больше часа назад. Направление — Ольховка.

Хельг лишь коротко кивнул, поправляя перевязь меча.

— Знаю. Капитан пошел на перехват. Наша задача — доставить имущество и усилить лагерь. К ночи фон в этом районе поднимется ещё сильнее. Приборы дворфов не врут.

Калёб слушал эти обрывки фраз, и его разум, находящийся в состоянии глубочайшего шока, методично запоминал новые слова, создавая новую карту реальности. «Фон», «имущество». Он ещё не понимал их значения, но уже чувствовал их вес. Эти слова были кирпичами новой стены, которую он начал возводить внутри себя. Ребёнок по имени Калёб, который любил слушать сказки деда Махея о розах и золотых временах, умирал с каждой милей пути. Каждое содрогание лошадиной спины вбивало в него простую и жестокую истину: в этом мире выживает не тот, кто плачет, а тот, кто становится сталью.

Дорога становилась всё тяжелее. Дождь, ставший верным спутником западных провинций, вновь начал свою монотонную работу, превращая и без того разбитый Тракт в грязное месиво. Вода заливалась за воротник, стекала по спине, но Калёб лишь плотнее прижимался к шее вьючной лошади, ловя остатки её животного тепла. Ему казалось, что он превращается в нарост на спине этого зверя, в неодушевлённый предмет, лишённый воли и прошлого. Его взгляд застыл на одной точке — на эмблеме Ордена на плаще всадника впереди. Пылающее солнце на белом фоне стало для него единственным ориентиром в сером хаосе.

Через три часа они миновали развилку, где Тракт Роз пересекался со старой Старательской тропой. Здесь отряд на мгновение остановился. Калёб увидел, как двое паладинов спешили и подошли к каменному указателю, покрытому лишайником. Один из них достал из поясной сумки прибор, похожий на медные песочные часы с вращающимися кольцами внутри.

— Фон зашкаливает, — донёсся до мальчика приглушённый шлемом голос. — Недавно прошли здесь.

Калёб невольно посмотрел в сторону, куда указывал паладин. В канаве у дороги лежало нечто, что раньше было семьёй беженцев. Трое взрослых и двое детей. Их убили жестоко и быстро. Разорванные горла и оторванные конечности. То, что ещё вчера вызвало бы у ребёнка ужас, сегодня вызвало лишь вспышку холодной ненависти.

— Не смотри на них, малец, — Хельг впервые за весь путь обернулся к Калёбу. Его глаза сквозь прорезь забрали блеснули холодом. — Это то, что Тьма делает с теми, у кого нет защиты. Для неё они были лишь сосудами с теплом, которые нужно было опустошить. Если хочешь, чтобы твой сосуд остался целым — забудь о жалости. Жалость — это брешь. А в брешь Тьма входит первой.

Калёб медленно перевёл взгляд на сержанта. В его глазах не было ужаса от увиденного в канаве. В них было то, что так поразило сержанта в Суходоле. Мальчик кивнул, и этот жест был настолько взрослым и осознанным, что сержант на мгновение задержал на нём взгляд, прежде чем вновь развернуться к дороге.

Путь продолжался. Теперь Калёб начал замечать детали, которые раньше ускользали от его внимания. Он видел, как паладины постоянно контролируют пространство вокруг, как они тянутся к рукояткам мечей при каждом шорохе в подлеске, как их кони, мощные и спокойные, раздувают ноздри при порывах ветра с запада. Это были опыт и многолетняя выучка, казалось паладины готовы ко всему что может произойти. И Калёбу это нравилось. На фоне горящего Суходола и убитых родителей этот холодный, лязгающий сталью порядок казался единственно верным способом существования.

Его амулет на груди, спрятанный под рубахой, теперь был мёртвым и безжизненным напоминанием о прошлой жизни. Кaleb сжимал его в кулаке всякий раз, когда боль в затёкших ногах становилась невыносимой. Дерево напоминало ему о том, что он ещё не превратился в камень, но он активно стремился к этому. Он хотел стать таким же непроницаемым и твёрдым, как эти люди в белых плащах.

Ближе к полудню небо над Трактом Роз начало менять цвет. Грязный серый оттенок сменился на тяжёлый, свинцовый. Температура упала ещё на несколько градусов, и мелкий дождь превратился в колючую ледяную крупу, которая больно секла лицо.

— Приближаемся к точке «Застава-4», — объявил Хельг. — До лагеря осталось пять километров.

Пять километров. Для семилетнего ребенка, просидевшего четыре часа на костлявой спине лошади, это расстояние казалось бесконечностью. Кaleb чувствовал, что его пальцы, вцепившиеся в гриву, онемели и больше не слушаются. Его колени горели огнём, а спина беспощадно ныла. Но он не издал ни звука. Он лишь плотнее сжал зубы так, что челюсти свело судорогой. Он представлял, что он — это просто ещё один тюк на спине лошади. У тюка нет нервов. У тюка нет памяти. Тюк не чувствует боль.

Вдалеке, сквозь пелену ледяной крупы, начали проступать очертания чего-то масштабного. Это не были стены города или башни крепости. Это было огромное кольцо из тяжёлых, окованных железом фургонов, над которыми поднимались столбы густого, угольно-чёрного дыма. В этом дыму Кaleb увидел первые отблески высоких костров, и в нос ему ударил запах, который навсегда станет для него запахом «дома» — смесь дёгтя, жжёного мяса, немых тел и алхимии Ордена.

Это был лагерь Ордена в этом секторе. Именно здесь Кaleb Варт должен был получить свой новый номер. Именно здесь он должен был впервые увидеть тех, кого назовут его «братьями». И именно здесь он должен был окончательно забыть о том, что когда-то у него была мать, которая прижимала его голову к груди, и отец, который учил его чувствовать душу дерева. Душа дерева теперь была зажата в его кулаке в виде мёртвого талисмана, а его собственная душа начала покрываться первой коркой той самой стали, из которой Орден ковал свои лучшие инструменты.

Когда голова колонны подошла к въезду, Хельг бросил мальчику, — Мы дома, имущество. Добро пожаловать в преддверие твоей новой жизни. Если ты выживешь в ней — ты станешь воином. Если нет — станешь дымом над этими кострами. Выбор за тобой.

Вьючная лошадь, увлекаемая конём сержанта, шагнула внутрь железного кольца. Прошлое осталось за порогом, растворившись в сером тумане Тракта Роз. Впереди был только холод, дисциплина и бесконечная, выжигающая нутро ненависть, которой предстояло стать его единственным смыслом существования.

Лагерь встретил Калеба не словами приветствия, а резким, выбивающим воздух из лёгких ударом о землю. Сержант Хельг, не дожидаясь, пока вьючная лошадь окончательно остановится, просто разжал пальцы на поводке и коротким движением латной рукавицы столкнул мальчика со спины животного. Кaleb рухнул в жирную, грязь. Удар был болезненным — и он

ткнулся лицом в холодную жижу. В нос мгновенно ударил запах мокрой земли, лошадиного навоза и едкого озона, который здесь, внутри, казался менее концентрированным, но более застарелым.

Мальчик не стал лежать. Он заставил себя подняться, преодолевая ломоту в суставах и дрожь в коленях. Он просто стоял и смотрел вслед уезжающему паладину. Сержант Хельг даже не оглянулся; он уже забыл о Калебе, его задача была выполнена. Разъезд паладинов, сопровождавший их, мгновенно растворился в суете лагеря, уступая место совершенно иному сословию — слугам.

Это были люди, лишённые блеска доспехов и белизны плащей. Одетые в грубое тряпье — от засаленных кожаных жилетов до простых заплатанных рубах из дерюги — они сновали между телегами. Их лица казались высеченными из серого камня: впалые щёки, глаза, лишённые всякого проблеска надежды, и рты, плотно сжатые в линию вечного терпения. Для Ордена эти люди были таким же имуществом, как телеги или запасные подковы, но именно они были жилами этой огромной военной машины.

— Встать в строй, падаль! — Хриплый голос, похожий на скрежет камня по металлу, заставил Калеба вздрогнуть.

К нему подошёл слуга-надсмотрщик. В руках он сжимал длинный шест с коротким кожаным бичом на конце. Мужчина указал на группу детей, сбившихся в кучу у центрального костра. Их было около сотни — мальчики и девочки разного возраста, от пяти до двенадцати лет. Все они выглядели одинаково: грязные, изможденные, с глазами, в которых застыл тот самый стеклянный ужас, который Калев чувствовал в Суходоле перед самым концом.

Калев молча подчинился. Он пошёл к группе, чувствуя, как грязь хлопает в его сапогах. Его рыжие волосы, ставшие теперь бурыми от пыли, были единственным ярким пятном в этом море серого цвета. Остальные дети провожали его взглядами, в которых не было сочувствия — только тупое, животное любопытство к новому товарищу по несчастью. Здесь не было места для дружбы; каждый оценивал другого как конкурента за тепло у костра или лишний кусок чёрствого хлеба.

Лагерь изнутри представлял собой сложную, конструкцию подчинённую суровому прагматизму Ордена. Пятьдесят тяжёлых фургонов были выстроены, создавая систему узких проходов и тупиков, которые было легко защищать. В центре этой крепости на колёсах располагалась «чистая зона» — палатки капитанов и штаб интендантов. Там горели высокие костры, заправленные алхимическими солями, которые давали ослепительно белое пламя без дыма. Этот свет выхватывал из темноты фигуры караульных, застывших на крышах фургонов с арбалетами в руках.

Калеба и остальных новоприбывших погнали к длинному навесу, под которым стояли огромные чаны с горячей водой.

— Процедура очистки! — проревел слуга-надсмотрщик. — Снимать всё! Живо! Одежду в костёр.

Это был первый этап уничтожения прошлого. Слуги в тяжёлых фартуках начали бесцеремонно хватать детей, срывая с них одежду. Калев почувствовал, как чьи-то грубые пальцы

вцепились в его рубаху. Ткань, пропитанная солью его слёз и пылью родного дома, с треском разошлась. В этот миг мальчик почувствовал себя окончательно обнажённым — не физически, а душевно. Без этой грязной тряпки он перестал быть сыном Элвина и Элины Варт. Он стал просто куском тёплой плоти, который нужно было отмыть.

Он судорожно сжал в кулаке свой амулет, когда его рубаху бросили в пламя ближайшей жаровни. Слуга, сорвавший с него одежду, на мгновение замер, заметив шнурок на шее мальчика.

— А это что за мусор? Снимай, малец. В Цитадели за такие побрякушки кожу живьём спускают.

— Это... это просто дерево, — Калёб сжал прижатый к груди кулак так сильно, что ногти вонзились в ладонь. — Не забирайте.

Слуга посмотрел в глаза семилетнего ребёнка и увидел в них нечто такое, что заставило его отвести взгляд. Возможно, в нём шевельнулись остатки человечности, а возможно, он просто не захотел тратить время на борьбу с озлобленным зверьком.

— Прячь глубоко, если жить хочешь, — буркнул он и толкнул Калёба в сторону деревянной бочки.

В чане плескалась мутная, сероватая жидкость. Это была не просто вода — от неё исходил резкий, удушливый запах трав. Калёб окунулся в чан вслед за другими детьми. Жидкость была обжигающе горячей. Она вгрызалась в садины на его коленях, заставляя мышцы сокращаться от боли.

После последовал второй этап — с ледяной жидкостью. Это была малая версия «Горького Инея», предназначенная для выявления активных очагов немочи на ранней стадии. Если у кого-то в крови уже имелась инфекция, контакт вызывал мгновенный судорожный припадок. Калёб видел, как девочку, стоявшую двумя местами впереди него, внезапно выгнуло дугой. Её кожа начала стремительно темнеть, покрываясь сеткой пульсирующих чёрных вен. Девочка не успела даже вскрикнуть — двое слуг в масках мгновенно подхватили её железными крючьями под мышки и уволокли в сторону «серых ям» за пределами круга телег. Никто из детей не произнес ни слова. Страх стал слишком плотным, чтобы превращаться в звуки.

Калёб чувствовал, как его тело костенеет от холода. Когда он выбрался из чана на другую сторону, его кожа была синюшной, а зубы выбивали дробь, которую он не мог контролировать. Ему бросили серый свёрток — новую одежду. Это была грубая холщовая роба без швов. На плече робы черной краской был грубо выведен номер: 412.

— Теперь это твое имя, 412-й, — Слуга, выдававший одежду, даже не посмотрел ему в лицо. — Твоё старое имя осталось в костре. Забудь его. Если услышу, что кто-то называет себя по-старому — останется без пайки на три дня.

Мальчик натянул робу. Ткань была жёсткой и колючей. Калёб спрятал свой амулет. Дерево коснулось его кожи, и ему показалось, что оно стало чуть теплее — единственная живая искра во всём этом мёртвом мире.

Их повели в сторону «кухонного сектора». Понятие кухни в лагере Ордена было весьма условным. Это была площадка, заставленная огромными медными котлами, в которых слуги варили нечто, отдаленно напоминающее еду. В воздухе висел запах палёного жира и гнилых овощей. Рекрутам выдали по шерботой деревянной миске, в которую плеснули черпак серой, клейкой массы — ячменной каши на воде с добавлением чего-то, что Калёб не смог распознать, да и, наверное, не хотел.

Калёб сел на край перевернутого ящика. Он смотрел в свою миску, и его желудок, давно не видевший еды, судорожно сжался. Но прежде чем он успел поднести ложку к губам, чья-то тень упала на его колени.

— Эй, Рыжий. Новичок? — Голос был грубым и насмешливым.

Перед ним стояли трое подростков. Тот, что был посередине, выглядел старше остальных — лет двенадцати, с широкими плечами и лицом, покрытым мелкими шрамами от оспы. Его роба была чуть чище, а на поясе висел настоящий нож в кожаных ножнах — невиданная роскошь для «имущества». Это был Берт, о котором Калёб позже узнает, что тот уже два месяца путешествует с обозом и считает себя хозяином «детского загона».

— Тебе это не нужно, Рыжий, — Берт указал на миску Калёба. — Ты ещё слишком мал для такой еды. Твоему животу будет больно. Давай её сюда, я присмотрю за твоей порцией.

Калёб медленно поднял глаза. Он видел Берта, видел его прихвостней, которые уже начали обступать его со сторон. Но внутри семилетнего мальчика не было страха. По сравнению с тем, что он видел в Суходоле, эти подростки казались ему чем-то несерьезным, почти игрушечным.

— Уйди, — негромко произнес Калёб. Его голос прозвучал удивительно ровно для ребёнка его возраста.

Берт на мгновение замер, не ожидая отпора. Он привык, что «свежий материал» ломается при первом же окрике. Его лицо начало наливаться багровым цветом.

— Что ты сказал, кусок дерьма? Ты знаешь, кто я? Я — Берт, и здесь мои правила. Ты либо отдаешь еду сам, либо мы выьем её а заодно и твои зубы.

— Уйди, — повторил Калёб, ещё крепче сжимая ложку в руке.

Берт замахнулся, намереваясь ударить мальчика по лицу, но в этот момент в проходе между фургонами показалась высокая фигура в сером плаще. Это был брат-наставник Морд. Он шёл бесшумно, его трость из чёрного ясеня не издавала ни звука. Наставник остановился в паре шагов от группы.

— Решили устроить здесь зверинец? — Его шепот был громче любого крика. Берт мгновенно опустил руку и отступил на два шага назад, его лицо стало мертвенно-бледным. Имущество не имеет права портить другое имущество. Если вы продолжите этот шум, я лично проверю крепость ваших костей завтра на рассвете.

Берт и его товарищи мгновенно растворились в сумерках лагеря, не проронив ни звука. Морд перевёл взгляд на Калёба. Мальчик не отвел глаз. Он продолжал сидеть на ящике, удерживая

живая свою миску. Наставник долго смотрел на него — не с жалостью и не с одобрением, а с тем самым профессиональным интересом, с каким кузнец смотрит на качественную руду.

— Ты, — произнёс Морд, и в его глазах блеснул холодный металл. — Ешь быстрее. Через десять минут будет общая молитва. В Ордене не любят тех, кто опаздывает на встречу со Светом. И помни: в этом лагере нет защиты.

Морд развернулся и ушёл, оставляя Калеба одного. Мальчик начал быстро поглощать кашу. Он ел жадно, понимая, что это его топливо. Ему нужно было стать сильным. Ему нужно было стать твердым. Он смотрел на огонь костра и видел в нём не тепло, а горнило.

Вдалеке, за пределами железного кольца лагеря, вновь завыл ветер, как будто напоминая о том, что Тьма никуда не ушла. Она просто ждала за порогом. Калеб сжал амулет в последний раз перед молитвой и почувствовал, что готов. Прошлое было пеплом, будущее — сталью. Номер 412 занял своё место в строю.

Гул рога прорезал тишину лагеря. Рекруты начали лихорадочно строиться на центральной площадке. Первый вечер Калеба в качестве имущества Ордена Очищающего Пламени подходил к концу, уступая место ночи, в которой ему предстояло окончательно умереть как человеку и родиться как инструменту очищения.

Дети стояли неподвижно под ледяным дождем. В центре на возвышение вышел инквизитор. Его рунные доспехи тускло светились, разгоняя туман. Он поднял руку.

— Мы — щит Империи! Мы — сталь Ордена! — Голос инквизитора резонировал в голове Калеба. — Мы выжигаем Скверну, чтобы сохранить порядок! Пусть Свет поглотит вашу слабость!

Калеб стоял в первом ряду. Он не молился. Он хотел, чтобы внутри него больше никогда не было места для страха и слабости, как в Суходоле. Ненависть к «пустым» в его сердце превратилась в новую веру.

Закончив молитву, рекрутов погнали в «жилые фургоны». Это были телеги, но теперь они были очищены от сена и забиты двухъярусными нарами из голых досок. Калеб нашел своё место. Рядом с ним на соседних нарах устроился мальчик со светлыми, почти белыми волосами, который всё это время наблюдал за ним издали.

— Меня зовут Йоран, — прошептал мальчик, когда слуги-надсмотрщики закрыли пологи телеги. — Я из Бореалии.

— Я — 412-й, — ответил Калеб, отворачиваясь к дощатой стене. — Имена здесь горят в кострах. Спи, Бореалец.

Йоран лишь едва слышно хмыкнул. Тишина, наступившая в телеге, была тяжелой и пропитанной запахом пота. Калеб лежал, слушая мерный стук дождя по брезенту, и чувствовал, как внутри него растёт нечто — что однажды позволит ему без дрожи в руках размозжить череп любому, кто пахнет озоном.

Утро началось не с восходом солнца, которого в затянутой туманом Весперии никто не видел уже годы, а с резкого, захлебывающегося звука медного рога, прорезавшего сырую мглу за два часа до рассвета. Калеб подпрыгнул на жёстких досках нар, инстинктивно вскидывая руки для защиты, но лишь больно ударился локтями. Внутри телеги мгновенно воцарился хаос:

дети спросонья толкались, хныкали и пытались нащупать свою обувь в густой тени. 412 не издал ни звука. Он быстро натянул свои так и не высохшие за ночь сапоги, которые теперь казались сделанными из холодного железа, и первым выскочил наружу, в липкие объятия тумана.

Лагерь в предрассветные часы напоминал улей, где вместо пчёл сновали серые тени слуг. Рекрутов выстраивали по десяткам на центральной площадке, где под навесом стояли жаровни с углями.

— 412-й! — произнёс брат-интендант Хорст, чей шрам на лице в предрассветном мраке казался глубокой, незаживающей раной. — В хозблок, живо!

Калеба и ещё пятерых мальчишек погнали в самую грязную и душную часть лагеря. Здесь, под огромным навесом из промасленной парусины, вечно кипели медные чаны. Воздух был таким густым от пара, что дышать приходилось мелкими, осторожными глотками, иначе лёгкие начинали гореть. Это было сердце прачечной Ордена — место, где смывали следы войны, чтобы инструменты Света всегда выглядели безупречно.

Мальчику выдали тяжёлую деревянную доску с глубокими бороздами и поставили к лохани, наполненной мутным едким щёлоком. Перед ним свалили гору жёсткой ткани. Это были не только простыни, но и поддоспешники, бинты и исподнее паладинов, вернувшихся из ночного рейда. Едва Калёб опустил первую партию ткани в воду, она мгновенно окрасилась в густой багровый цвет. Запах... он был невыносимым. Сладковатый дух гнилой крови смешивался с резким, металлическим ароматом озона, который буквально сочился из волокон ткани.

— Три сильнее, щенок! — Слуга прохаживался за спинами детей, методично постукивая рукоятью бича по голенищу сапога. — Каждая вещь должна быть отстирана на столько хорошо на сколько это возможно. Ваша работа — это тоже война. Просто без мечей. Если на одежде или бинтах останется зараза кто то из братьев может её подхватить.

Калёб погрузил руки в обжигающую жидкость. В первый день щёлок вгрызлся в его кожу, как стая голодных крыс. К вечеру его ладони превратились в одну сплошную, пульсирующую рану, лишённую верхнего слоя эпителия. Он не мог сжать пальцы, а каждый контакт с холодной водой вызывал искры в глазах. Но Орден не знал жалости. На следующее утро его снова погнали к чану.

— Смотри на свои руки, 412-й, — раздался тихий, шелестящий голос за спиной.

Калёб вздрогнул, но не обернулся. Он узнал этот голос. Брат-наставник Морд стоял в тени навеса, опираясь на свою трость из чёрного ясеня.

— Твоя кожа сейчас — это предатель, — продолжал Морд. — Она мягкая, она требует комфорта, она кричит о боли. Твоя задача — убить эту кожу. Превратить её в барьер. Когда нерв перестаёт чувствовать — он становится сталью. Только через закалку можно получить истинный инструмент.

Неделю за неделей Калёб методично тёр жёсткую, задубевшую от запёкшейся крови ткань о стиральную доску. Его движения стали, лишёнными суетливости. Постепенно, как и предсказывал Морд, произошло нечто странное. Боль сначала достигла своего пика, став невыносимым белым шумом, а затем внезапно отступила. Ладони Калеба начали покрываться

странной серой коркой. Это не были обычные мозоли пахаря; это была омертвевшая ткань, толстая как подошва сапога. Он перестал чувствовать жар горячей воды и едкость щёлока. Его руки стали первым элементом его доспеха — бесчувственными, грубыми и эффективными.

Взаимоотношения внутри «детского загона» лагеря тоже менялись. Берг, который после инцидента затаил на Калеба лютую злобу, теперь действовал иначе. Он больше не лез на рожон открыто, понимая, что брат-наставник Морд почему-то присматривает за рыжим «уродом». Берг начал методичную психологическую осаду.

— Ты думаешь, они сделают из тебя воина? — негромко говорил Берг по вечерам, когда они сидели в телеге. — Посмотри на слуг, 412-й. Большинство из них тоже когда-то были рекрутами. Они просто выжили, но сломались внутри. Ты стираешь кровь мертвецов, и этот озон впитывается в твою кожу. Ты уже пахнешь как покойник, Рыжий.

Кaleb не отвечал. Он лежал на своей полке, глядя вверх, и слушал дыхание Йорана. Бореалец стал его негласным союзником. Йоран учил его «дыханию камня» — технике, позволяющей сохранять остатки тепла в теле даже в самую холодную ночь.

— Твоё тело — это печь, — шептал Йоран. — Если ты будешь дышать часто, огонь внутри быстро прогорит. Дыши редко и глубоко.

Именно Йоран первым заметил, что Кaleb начал уходить из телеги по ночам.

Это случилось в середине второго месяца марша. Кaleb обнаружил, что если двигаться максимально осторожно, можно миновать сонных слуг-надсмотрщиков. Он уходил в самый дальний, неосвещённый угол лагеря, к фургонам, гружённым запасными осями и колёсами. Там, в густой тени, он вооружился тяжёлым обрубок ветки дуба, который нашёл на одной из стоянок.

Он пытался повторить те движения, которые видел у паладинов во время их коротких тренировок. Короткий выпад — закрыться щитом. Шаг в сторону — удар сверху. Его движения были неуклюжими, вес обрубка оттягивал плечо, а омертвевшие ладони поначалу плохо чувствовали баланс древесины.

— Твоя кисть зажата слишком сильно, — раздался голос Морда из абсолютной темноты.

Наставник возник словно из ниоткуда. Он не нёс факела, но его глаза, казалось, сами излучали тусклый холодный свет.

— Сталь не любит судорожной хватки, 412-й. Меч должен быть продолжением твоего скелета, а не инородным предметом. Если ты сжимаешь рукоять так, будто это последняя соломинка, ты устанешь через пять минут боя.

Морд подошел ближе. Его трость из чёрного ясеня со свистом рассекла воздух. Кaleb инстинктивно попытался заблокировать удар своей палкой, но трость наставника, описав сложную траекторию, ударила мальчика по предплечью. Глухой звук удара отозвался тупой болью, но Кaleb даже не охнул.

— Неплохо, — Морд впервые за всё время проявил подобие одобрения. — Материал начинает принимать форму. Теперь ты должен научиться чувствовать «износ». Твоё тело имеет предел прочности, как и любой инструмент. Если ты сломаешь себя раньше, чем доберёшься до Цитадели, Орден просто выбросит тебя в яму к остальному браку. А теперь щенок, посмотрим годен ли ты хоть на что-то.

Следующие два часа превратились в физическую пытку. Морд не учил его красивым финтам. Он заставлял Калеба стоять в полуприседе, удерживая тяжёлый обрубок на вытянутой руке, пока мышцы не начинали мелко дрожать от запредельного напряжения.

— Дрожь — это слабость! — рычал наставник, нанося точные, жалящие удары тростью по икрам и спине мальчика. — Слабость — это брешь! Тьма входит в брешь! Ты должен стать монолитом. Ты должен перестать существовать как человек и стать точкой опоры для всего строя.

Когда Калеб, шатаясь от изнеможения, вернулся в повозку перед самым рассветом, его тело горело, а в голове стоял гул. Но на его губах, растрескавшихся от жажды, играла странная, пугающая улыбка. Он чувствовал, как внутри него формируется скелет того, чем он хотел стать. В этом мире не было места для Калеба Варта, но в нем было очень много места для Номера 412.

Марш через Весперию продолжался. Мир за пределами лагеря становился всё более призрачным. Леса сменились бесконечными пустошами, заросшими чёрным терновником. Калеб видел из своей телеги, как Тракт Роз постепенно превращается в единственную нить реальности среди океана небытия. Всё, что было вне дороги, казалось декорацией к кошмару.

Калеб посмотрел на свои серые, омертвевшие ладони. Он вспомнил слова Морда о том, что ненависть — это лишь уголь. Он представил, как этот уголь медленно выжигает в нём всё лишнее. Он должен стать таким же бесстрастным и эффективным, как те паладины, чью кровь он каждое утро смывает с бинтов.

Вскоре в обозе вспыхнула лихорадка. В повозке Калеба заболел мальчик с номером 386. Он был самым маленьким и слабым в их телеге. По ночам 386-й начал кашлять, а его кожа приобрела матовый оттенок.

Берт и его компания мгновенно отсели от больного, забившись в дальний угол телеги.

— Он заражён! — кричал Берт, когда слуги-надсмотрщики проходили мимо. — Выбросьте его, пока он не заразил всех нас!

Калеб молча подошел к нему. Он взял мальчика за руку — его пальцы были ледяными, несмотря на лихорадочный румянец на щеках.

— Не бойся, — негромко сказал Калеб.

386-й посмотрел на него глазами, полными слёз.

— Я не хочу в серые ямы... я хочу домой...

Калеб поморщился: — Дома больше нет, 386-й.

В этот момент полог телеги распахнулся. Внутрь влезла сестра-медик в тяжёлом кожаном фартуке, она была не одна, двое слуг ожидали снаружи. В её руке был зажат «Горький Иней», — маленький кристалл, реагирующий на болезнь. Кристалл в её пальцах начал тускло светиться пульсирующим лиловым светом когда она подошла к 386-му.

— Этот заражён. В ямы. — произнесла она кивнув на ребёнка, голосом лишённым всякого участия и развернувшись спрыгнула с телеги.

386-й закричал, вцепляясь в робу Калеба. Двое слуг влезли в телегу. Они не стали церемониться — один из них просто ударил ребёнка дубинкой по голове, чтобы тот замолчал, и они вытащили обмякшее тело наружу. Кaleb смотрел, как его пальцы, еще секунду назад сжимавшие руку 386-го, теперь медленно разжимаются. На его серой коже остался след от грязных ногтей мальчика.

— Хорошая работа, 412, — донёсся голос Морда из-за борта повозки. — Ты не поддался сантиментам. Ты позволил системе очиститься от дефектного элемента. Это и есть принцип выживания.

Повозка тронулась. Кaleb сел на место, где только что лежал 386-й. Солома там была еще тёплой, но эта теплота быстро испарялась. Берт из своего угла смотрел на Калеба с суевверным ужасом. В глазах двенадцатилетнего подростка 412-й перестал быть просто рыжим мальком. Он стал чем-то чуждым, чем-то, что уже переступило черту, за которой кончается человечность.

Этой ночью, во время своей тайной тренировки, Кaleb впервые почувствовал, что его тело подчиняется ему полностью. Боль в мышцах больше не мешала — она стала просто фоновым ритмом его движений. Он наносил удары в пустоту, представляя на месте тумана «пустых». Его организм работал на полных оборотах, переплавляя пепел Суходола в холодный, сверкающий лёд его будущей победы.

До ворот Цитадели оставалось ещё сотни миль пути, но глубоко внутри Кaleb Варт уже прибыл на место.

Повозка, мерно и натужно скрипя каждой разошедшей спицей, въехала в густые гниющие леса. Воздух здесь был настолько влажным и холодным, что при каждом глубоком вдохе лёгкие Калеба словно наполнялись мелким битым стеклом, заставляя его сдерживать кашель.

Обоз теперь двигался значительно медленнее, постоянно останавливаясь перед завалами из упавших деревьев. В один из вечеров, когда солнце, так и не сумев пробить многослойную завесу тумана, просто растворилось в серых сумерках, лагерь встал на вынужденную ночевку в «Ущелье Грома». Это было место, где эхо любого случайного звука — звона кольчуги или хруста гальки — многократно усиливалось. Стены ущелья нависали над телегами, словно челюсти огромного каменного зверя, замершего в ожидании момента, чтобы окончательно сомкнуться.

— Сегодня не будет костров, даже самых малых, — объявил брат-наставник Морд, проходя вдоль рядов замерших повозок.

Кaleb сидел на самом краю телеги, свесив ноги и чувствуя, как холод камня просачивается сквозь подошвы его стоптанных сапог. Рядом, почти касаясь его плечом, пристроился Йоран.

Запах озона пришел внезапно, не так, как он обычно вползал плавным туманом в лесах. Здесь он ударил в нос резким, мощным электрическим разрядом, от которого у Калеба мгновенно появился привкус меди на языке. Лошади в авангарде, обученные тяжеловозы, заржали — пронзительно, с тем самым животным надрывом, который невозможно было спутать ни с чем другим. Это был крик существ, осознавших свою полную и окончательную обреченность перед лицом высшего хищника.

— К бою! Щиты в замок! — голос Морда прорезал тишину ущелья, усиленный эхом до громового раската, от которого сверху посыпалась мелкая каменная крошка.

Кaleb спрыгнул на камни одновременно с Йораном. В густой темноте, едва разгоняемой мертвенным сиянием редких магических ламп на телегах интендантов, он увидел «пустых». Они спускались по отвесным стенам ущелья. Их пальцы, легко находили опору в микроскопических трещинах породы. На них не было ни лохмотьев, ни доспехов — только серая, плотно обтянутая на скелетах кожа, похожая на старый, высохший под солнцем пергамент. Их глаза казались черными дырами.

Младшие братья начали лихорадочно выставлять щиты, пытаясь закрыть узкие проходы между фургонами, но «пустые» были слишком быстры. Один из них, массивный и неестественно длиннорукий, перемахнул через борт повозки. Раздался сухой хруст ломаемых шейных позвонков — кто-то из детей не успел даже проснуться, а следом вопли ужаса остальных однако спустя несколько мгновений всё стихло. В ту же секунду в поиске новых жертв из телеги выпрыгнул «пустой» и ринулся на подоспевших младших братьев, один из них встретил его щитом удар был такой силы что воин не устоял на ногах однако этого хватило что бы остановить стремительный рывок ожившего трупа и это дало возможность его напарнику резким ударом пробить череп твари своим копьем вызвав слабую вспышку означавшую что сосуд разрушен. Кaleb впервые видел как убивают «пустых».

Битва в Ущелье Грома быстро превратилась в хаотичную и кровавую мясорубку. Кaleb боковым зрением видел, как пал слуга-надсмотрщик, чей кожаный бич еще вчера обжигал его плечи. Мертвец вгрызся в его горло с такой силой, что голова почти отделилась от тела. Однако бойцы Ордена всё же были воинами, чей уровень мастерства выходил за пределы возможностей простых людей, и быстро перехватили инициативу, истребляя нежить с неизменной эффективностью.

Кaleb еще крепче сжал сою палку ставшую его верным спутником. Однако он понимал, что его просто разорвут на части, если он попытается вступить в бой.

Поэтому он наблюдал за происходящим в полной готовности бежать, в этот раз он был спокоен — это был холодный расчёт.

Спустя несколько минут над Ущельем Грома вновь воцарилась тяжелая, гудящая тишина, прерываемая теперь только стонами раненых рекрутов и звуками борьбы в авангарде. Брат-наставник Морд подошел к Калебу.

— Ты только что принял смерть как равного, 412-й, — негромко, почти шепотом произнес Морд. В его голосе не было похвалы, только сухая констатация факта. — Ты сохранил трезвость рассудка перед лицом кровавой бойни. Это и есть та самая закалка материала, после которой пути назад нет.

Через два дня изнурительного пути перед рекрутами открылась широкая долина, залитая ровным серым светом. В её географическом центре, на стратегическом пересечении дорог, возвышался форпост «Черный Исток». Это еще не была Цитадель Очищения — до неё оставались сотни миль пути через леса Весперии и болота Палудии. Но это были врата в истинную

зону ответственности Ордена. Мощная крепость из темного камня, чей гарнизон должен был провести первичную, самую грубую фильтрацию выживших рекрутов.

Калев Варт — вернее, то, что от него осталось под номером 412 — смотрел на массивные стены форпоста без страха и без капли надежды. Он видел в них лишь очередную необходимую точку на пути к к своей цели.

Обоз медленно, втянулся в зев ворот «Черного Истока». А мальчик с ярко-рыжими волосами до боли сжимал в кулаке деревянный амулет — свои последние воспоминания о месте, бывшем ему когда-то домом.

Глава 3: Пробуждение в пепле

Ворота за спиной Калеба закрылись с тяжёлым грохотом. Форпост «Чёрный Исток» встретил рекрутов не теплом очагов а звенящей, стерильной пустотой своих бесконечных коридоров, вырубленных прямо в теле горы. Это было место, где время, казалось, застыло в вечном ожидании очередного приказа, а воздух был настолько пропитан едким запахом старого пота и алхимии, что у непривыкших к этому детей начинали непроизвольно слезиться глаза. 412-й стоял в самом центре внутреннего двора, чувствуя, как холод массивных каменных плит пробирается сквозь тонкие подошвы его сапог, которые после боя в Ущелье Грома стали казаться неподъемными гириями.

Их не повели в казармы. Вместо этого выживших детей, чьё количество заметно поредело после перехода, выстроили вдоль длинной восточной стены. Слуги Ордена в тяжёлых промасленных кожаных фартуках обходили строй, раздавая каждому по куску чёрствого, хлеба и кружке тёплой, горькой, пахнувшей травами воды. Это не было актом милосердия; это была заправка перед очередным этапом пути. Калёб жевал свой хлеб медленно, концентрируясь на каждом движении челюстей, стараясь не думать о его вкусе, а лишь о том, как пища превращается в жизненную энергию в его жилах. Его взгляд был неотрывно прикован к Йорану, который стоял рядом, такой же неподвижный и серый, как окружающий их камень. Северянин выглядел изможденным, его щёки ввалились, а кожа приобрела оттенок пепла, но его глаза по-прежнему светились неугасимым льдом Бореалии.

— Мы здесь не останемся даже на ночь, — прошептал Йоран, едва шевеля губами, так чтобы слуги не заметили нарушения тишины. — Слышишь этот стук? Готовят новые повозки, смазывают оси и меняют лошадей. Нас погонят дальше, в леса Весперии. Орден не даёт материалу застаиваться, иначе он начинает вспоминать ненужное.

Калёб прислушался, действительно, из глубины форпоста доносился мерный, ритмичный стук молотков о железо и тревожное ржание свежих лошадей. Орден Очищающего Пламени не любил задержек; каждая минута простоя стоила ресурсов, которых у Империи с каждым днём становилось всё меньше. Вскоре появилась высокая, сутулая фигура брата-наставника Морда. Его трость из чёрного ясеня выбивала по камням чёткий, гипнотический ритм, который заставлял рекрутов невольно выпрямляться, несмотря на ломоту в теле. Наставник остановился прямо перед Калёбом, и мальчик почувствовал, как его взгляд, холодный и пронизательный, буквально пронзает его насквозь, оценивая и измеряя.

— Ещё живой, — произнёс Морг своим сухим, шелестящим голосом. — Это хорошо, 412-й. Сегодня вы покинете безопасность «Чёрного Истока». Впереди — леса Весперии. В лесу Тьма имеет тысячи лиц, она прячется в каждом корне и каждой тени, и самое страшное из этих лиц — ваше собственное отражение. Приготовиться к немедленной погрузке.

Путь возобновился через два часа. Обоз, пополнившийся свежими, окованными железом повозками и усиленный новым отрядом младших братьев, медленно, со скрипом выполз из ворот форпоста и начал крутой спуск в низины. Пейзаж стремительно менялся: удушливые, непроницаемые чащи Весперии наваливались со всех сторон. Но это были не те благодатные леса, о которых когда-то рассказывал отец Калеба. Это была территория власти «чёрных шипов». Некротический терновник здесь был истинным, хозяином. Его иссиня-чёрные

плети, усыпанные длинными, полыми внутри иглами, оплетали абсолютно всё: стволы погибших деревьев, стены брошенных ферм и даже само дорожное полотно Тракта Роз.

Воздух был густым, тяжёлым и пах прелой, гниющей листвой. Калёб сидел в своей телеге, прислонившись спиной к мокрому борту, и наблюдал, как дорога постепенно превращается в узкий коридор среди чёрной растительности. Тяжёлые колеса фургонов с чавканьем вязли в жиже, а слуги в авангарде были вынуждены постоянно работать длинными косами, обрубая тянущиеся ветви. Каждое соприкосновение стали с терновником вызывало шипение и выброс едкого белого дыма — растение эти были живыми в самом худшем, смысле этого слова.

Калёб присмотрелся, преодолевая резь в глазах. Корни терновника под слоем грязи не лежали неподвижно. Слабое, едва заметное ритмичное движение. Старые возницы шептались, что эти шипы питаются остаточным теплом самой земли, высасывая последние соки из умирающего мира, чтобы поддерживать свое неестественное существование. Для Калёба Весперия за эти дни стала воплощением медленного, гниения цивилизации. Он видел из щелей тента развалины постоянных дворов, где когда-то, останавливались торговые караваны. Теперь же над ними возвышались лишь чёрные костяки крыш, сквозь которые, словно пальцы похороненного заживо, прорастали гибкие плети шипов, сжимающие в своих объятиях остатки человеческого быта.

Путь был изнурительным. Рекрутов больше не жалели. Их заставляли выходить из телег независимо от времени суток, чтобы помогать слугам расчищать завалы или наваливаться на увязшие в грязи фургоны.

По ночам в лесах Весперии было особенно страшно. Тишина здесь была обманчивой — она состояла из миллионов мелких, сводящих с ума шорохов. Шелест пульсирующих корней и скрип больных деревьев. Лагерь теперь строился с особой тщательностью. Телеги ставились в три ряда, а между ними натягивались тонкие стальные цепи с сигнальными колокольчиками. Калёб спал урывками, его рука всегда лежала на тяжёлом дубовом обручке, который он теперь считал своим верным союзником в этом мире.

Однажды вечером, когда обоз встал на ночёвку у берега Безымянной реки, произошло событие, которое ещё больше укрепило жёсткую социальную иерархию внутри «детского загона». Берт, самопровозглашенный предводитель, собрал вокруг себя десяток наиболее крепких подростков и начал обходить телеги, силой отбирая у младших остатки дневного пайка сухарей. Это была его, попытка доказать, что он всё ещё имеет власть.

— Ты действительно думаешь, что тебя кто-то защитит? — рычал Берт, нависая над худым мальчиком из соседней повозки. — Здесь, в лесу, правила диктует стая.

Калёб наблюдал за этой сценой из глубокой тени своей телеги. Для него Берт был не личным врагом, а неисправным элементом системы — досадной помехой, которая мешала сосредоточиться на главной задаче. Он видел, как страх парализует «теней» — тех детей, которые уже сдались внутренне. Они отдавали свои сухари без борьбы, надеясь, что это купит им лишний час покоя. Но Калёб твёрдо знал: любая слабость лишь сильнее разжигает аппетит хищника.

— Подойди и попробуй взять мой, Берт, — негромко произнес Калёб, когда вожак «псов» наконец обратил на него свой тяжёлый взгляд.

Мальчик медленно встал, удерживая в руке кусок чёрствого хлеба. Йоран так же плавно поднялся следом, его высокая фигура в сумерках казалась неестественно длинной и опасной. Берт на мгновение замер, его прихвостники тоже невольно остановились, чувствуя исходящую от них угрозу.

— Берт, — голос Йорана был подобен треску ломающегося льда. — На севере мы таких, как ты, не бьём — мы просто оставляем их связанными на съедение снежным воронам. Они любят плоть тех, кто считает себя сильным за счет слабых.

Берт яростно сплюнул под ноги, но в его глазах мелькнула отчетливая тень сомнения. Брат-наставник Морд, наблюдавший за сценой, не вмешивался. Для него это была лишь часть естественной очистки материала — Ордену нужны были те, кто умеет держать территорию.

Конфликт был прерван резким, тревожным звуком сигнального рога, донёсшимся со стороны головы колонны. Из авангарда, вздымая фонтаны грязи, примчался всадник.

— «Пустые»! Всем немедленно занять круговую оборону!

Бой начал не с лобовой атаки, а с вязкого, и изнуряющего ожидания. Тени в лесах Веспери обладали странным, почти физическим свойством: они казались гораздо материальнее чем когда либо, словно обретали здесь вес, объём и плотность. Пока палadini в авангарде, с ледяным спокойствием прокладывали проход сквозь «пустых», рекруты в самом центре растянувшегося на километр обоза были предоставлены сами себе и своим собственным, не скованным уставом страхам. Именно в эти время, под аккомпанемент далёких звуков битвы, наполнявших лес, и завывания ледяного ветра в кронах больших деревьев, в голове 412 оформилось видение мира схожее с уставами Ордена больше чем он мог себе представить. Есть те, кто отдаёт приказы и есть те, кто выполняет, третьего не дано.

Калёб сидел на дне повозки, плотно прижавшись спиной к шершавому, пахнущему дёгтем борту, и слушая, как бесконечный дождь барабанит по натянутому тенту. Рядом с ним Йоран, чьё лицо в полумраке казалось высеченным из куска серого гранита. Внутри телеги было невыносимо тесно — пятнадцать подростков разного возраста, каждый из которых отчаянно пытался отвоевать себе хотя бы лишний дюйм относительно сухого пространства. Калёб постоянно сжимал и разжимал кулак, вслушиваясь в сухой хруст собственных суставов, как в единственную музыку жизни.

— Посмотри на них внимательно, 412-й, — Йоран едва заметно кивнул в сторону передней части повозки. Там, в глубокой серой полутени, сидели те, кого в обозе уже привычно называли «теньями». Трое мальчиков и две девочки, которые за последние сутки не произносили ни единого внятного звука. Их некогда живая кожа приобрела землистый, матовый оттенок, а взгляд стал абсолютно неподвижным, направленным в одну точку. Они больше не дрожали от пронизывающего до костей холода, не просили еды и даже не пытались укрыться от крупных капель воды, сочащихся сквозь многочисленные прорехи в старом тенте. Для Ордена Очищающего Пламени они уже считались отбраковкой — которых ждала участь слуг в лучшем случае. В этом новом мире, который строил Орден на пепелище Империи, воля к жизни — единственное допустимое качество человеческого материала. В самом центре повозки, напротив, кипела жизнь совершенно иного, хищного и агрессивного рода. Берт и его «псы» — выжившие в первые недели пути за счёт открытой агрессии, систематического воровства и подавления слабых — шумно и с руганью делили скудное имущество. Берт то и дело бросал на Калёба

короткие, косые взгляды, в которых читалась не только затаённая, ядовитая злоба, но и нечто похожее на суеверный, инстинктивный страх.

— Эй, 412-й, — внезапно подал голос Берг, намеренно громко, так чтобы его отчётливо слышали. — Слыхал, о чём шепчутся на ночных привалах? Говорят, в Дубовой Гавани нас ждёт настоящая процедура «Горького Инея». Старые слуги рассказывают, что это такая алхимическая ванна из солей, от которой живая кожа слезает целыми пластами, если внутри тебя затаилась хотя бы одна микроскопическая капля страха перед Тьмой. Думаешь, твой вонючий деревянный амулет, который ты так старательно прячешь под рубахой, спасет тебя от ледяного пламени Ордена? Или ты наивно надеешься, что твой северный дружок прыгнет в чан вместо тебя, чтобы прикрыть твой рыжий зад?. Кaleb даже не повернул головы в сторону обидчика. Он продолжал молча и сосредоточенно изучать свои собственные ладони, покрытые толстой коркой серой, бесчувственной кожи. Берг, не получив ожидаемой бурной реакции, начал распалываться ещё сильнее, чувствуя, как его хрупкий авторитет среди «псов» начинает подрагивать от этого ледяного молчания. — Ты молчишь, потому что в глубине своей никчёмной души сам прекрасно знаешь: ты такой же брак, как и эти дохлые тени в углу. Просто ты чуть более хитрая и везучая крыса. Но в Дубовой Гавани крыс травят первыми, чтобы они не разносили заразу. И ничего не поможет тебе, когда твою рыжую башку засунут в чан с кипящей солью света. Там ты быстро запоёшь по-другому, 412-й. А мы все будем смотреть. — Твой рот производит слишком много лишнего, бесполезного и опасного шума, Берг, — спокойно, и пугающе тихо произнес Йоран. — Лишний шум в этих лесах привлекает нежить из чащи гораздо лучше любого костра. Если из-за твоего лая к нам приблизится хотя бы один пустой, выброшу тебя ему прямо под ноги. Подумай об этом, пока у тебя ещё есть гортань, через которую проходит воздух. Берг мгновенно вскочил на ноги, его лицо исказилось в гримасе бессильной, животной ярости, а кулаки судорожно сжались до белизны костяшек.

— Ты мне не угрожай, ледяной выродок! Здесь тебе не северные горы, где ты прятался по норам от каннибалов! Здесь мы все — лишь имущество в одной ведомости интенданта, и мы все абсолютно равны перед уставом Ордена!

В этот момент вся телега содрогнулась от резкого удара снаружи. Это был не противник — это младший брат из конвоя с силой ударил древком своего тяжёлого копья по деревянному борту, требуя немедленного восстановления тишины в секторе.

— Молчать в загоне, скоты! — прошипел грубый голос воина. — Ещё один писк — и я лично зашью вам рты проволокой. Порядок Ордена — это тишина! Берг нехотя, бормоча под нос проклятия, сел на своё место, но его глаза продолжали сверлить затылок Калеба. В этой тесной, вонючей деревянной коробке, насквозь пропитанной сыростью, застарелым потом и страхом, назревал социальный взрыв, который был неизбежен. Кaleb понимал это, лучше всех остальных. Он отчетливо видел боковым зрением, как «псы» по едва заметному знаку своего вожака начали медленно и окружать их с Йораном, постепенно оттесняя к заднему борту телеги. Это была тактика стаи: дожидаться идеального момента, когда внимание жертвы будет окончательно притуплено изнуряющей усталостью и монотонным, гипнотическим скрипом колёс по камням Тракта.

Ночь прошла в состоянии предельно напряжённого, болезненного бодрствования. Кaleb буквально кожей чувствовал каждое движение, каждый прерывистый, свистящий вдох своих недоброжелателей. Где-то далеко в глубине непроницаемого леса раздался жуткий и надрывный вой. К самому утру, когда густой серый туман вновь плотным саваном заволок разбитую дорогу, Кaleb инстинктивно почувствовал, что момент истины настал. Берг дождался той секунды, когда Йоран, несмотря на всю свою закалку и волю, всё же провалился в тяжелый,

лихорадочный сон — северянин не выдержал резкой смены климата низин, и его тело начала бить мелкая, неконтролируемая дрожь.

Калёб сидел один, до боли в пальцах сжимая свою палку. Берг сделал едва заметный, короткий знак своим подручным. Трое наиболее крупных подростков одновременно, без единого звука, набросились на Калёба, пытаясь всей массой своих тел прижать его к гнилым доскам пола и заткнуть рот грязными, вонючими тряпками. Это не было дракой в привычном, понимании этого слова. Это была попытка грубого физического подавления личности. Калёб почувствовал на себе вес чужих, потных и горячих тел, услышал их рваное дыхание прямо у своего уха. Чьи-то грубые пальцы мёртвой хваткой вцепились в его рыжие волосы, пытаясь с силой ударить затылком о дубовый борт повозки. В его сознании, словно ослепительная вспышка, возникла первая установка Морда: «Брешь в обороне — это смерть! Он не стал кричать и звать на помощь. Крик — это признак слабости, крик — это сигнал, который неизбежно приведёт к каре для всех присутствующих в телеге, не разбирая правых и виноватых. Калёб действовал короткими, жалящими и эффективными ударами локтей и коленей, метя в уязвимые точки. Его омертвевшие от щёлочка ладони с силой впились в горло ближайшего нападавшего, заставляя того захлебнуться воздухом и отпрянуть. Он использовал экстремальную тесноту повозки как своего главного союзника: здесь нельзя было широко размахнуться для сильного удара. Берг, воспользовавшись хаосом, отчаянно пытался добраться до амулета под робой Калёба. Его пальцы, дрожащие от возбуждения и предвкушения легкой победы, рвали грубую ткань холщовой рубахи.

— Отдай её мне! — яростно шипел вожак «псов», брызгая слюной в лицо мальчика. — Отдай эту магическую дрянь! Ты не достоин этой силы, Рыжий! Ты — просто мусор! В этот миг в сознании Калёба, словно наяву, вновь всплыла та жуткая картина из подпола Суходола: «Древний» мертвец, трупы родителей. Он не почувствовал ни капли гнева — только острую, рациональную необходимость немедленной очистки жизненного пространства от дефектного, мешающего элемента. Мальчик резко, всем телом подался вперёд, сознательно пренебрегая градом ударов по рёбрам, и со всей силы вонзил свои пальцы в глаза Берта. Это не был приём из учебника — это был чистый, первобытный инстинкт загнанного в угол зверя. Берг взвыл — глухо, надрывно, сквозь плотно сжатые зубы — и в ужасе отпрянул назад, закрывая лицо руками. Калёб, получив драгоценное мгновение свободы, перехватил свой тяжёлый обрубок и нанёс один короткий удар в голову Берта. Звук удара был сухим и коротким. Берг мгновенно обмяк, словно из него выдернули стержень, и тяжело рухнул на своих притихших подручных. Те в ужасе отпрянули к бортам, освобождая пространство вокруг рыжего мальчика.

В повозке воцарилась тяжёлая, гробовая тишина, нарушаемая только скрипом колёс и шелестом дождя. Даже «тени» в своём дальнем углу впервые за дни подняли головы, глядя на то, как семилетний рыжий мальчик неподвижно стоит над поверженным двенадцатилетним подростком. Калёб тяжело и часто дышал, его лицо было исцарапано, из разбитой губы на пол капала кровь, но его взгляд... его взгляд был абсолютно, пустым. В нём не было ни капли триумфа, ни тени раскаяния за содеянное. Только ощущение завершённости очередной задачи. Йоран проснулся и мгновенно, одним быстрым взглядом оценил изменившуюся ситуацию. Он не стал задавать лишних вопросов — в этом не было никакой нужды. Он просто молча встал рядом с Калёбом, положив свою тяжелую ладонь на его плечо, окончательно закрепляя результат.

— Похоже, стая наконец поняла, что в этом загоне есть кто-то, кого принципиально нельзя съесть. 412-й, садись. Тебе нужно сохранить последние силы для предстоящего перехода. Берг пришёл в себя лишь через несколько минут, но он не стал предпринимать никаких

попыток напасть снова. Он забился в самый дальний, тёмный угол повозки, прижимая ладонь к голове, и в его глазах больше не было прежней примитивной злобы. Там поселился страх.

Этот ночной инцидент окончательно закрепил положение Калеба в социальной иерархии всего обоза. Его больше не пытались тронуть даже самые отчаянные из старших групп рекрутов. Но сам Калёб не чувствовал от этого ни капли удовлетворения. Он прекрасно понимал, что эта мелкая победа в телеге — лишь прелюдия, подготовка к чему-то гораздо более масштабному, важному и страшному.

Через два дня изматывающего пути густые леса Веспери наконец начали постепенно редеть, уступая место открытым пространствам. Тракт Роз здесь стал заметно шире, ровнее и был вымощен массивными плитами. Обоз входил в предместья Дубовой Гавани.

— Скоро начнётся Фильтрация материала, — сказал брат-наставник Морд, проезжая на своём коне мимо повозки Калеба на самом рассвете. Наставник на секунду осадил коня и внимательно посмотрел на разбитую губу и холодные глаза мальчика. — 412-й. Ты научился защищаться снаружи. Теперь пришло время научиться защищать свою внутреннюю суть. В Дубовой Гавани тебя будут ломать не кулаками сверстников, а чистым светом Ордена. Если в твоей стали есть хотя бы одна трещина — она неизбежно лопнет под давлением. Калёб лишь коротко кивнул, не отрывая взгляда от горизонта, где вставало серое солнце. Когда наставник отъехал подальше он до боли сжал в кулаке свой амулет под робой. Дерево под его пальцами казалось живым и теплым. Это тепло было последним, что он собирался сохранить в себе перед тем, как погрузиться в абсолютный холод «Горького Инея». Он был готов встретиться со своей новой судьбой в Дубовой Гавани. Лес оставался позади, а впереди, застилая полнеба, возвышались чёрные базальтовые стены столицы Веспери.

Владения Ордена, открывшиеся взору 412, были вымороженными, стерильными и пахнущими до боли в зубах алхимией. Едва первая повозка обоза пересекла невидимую черту городских предместий, как характер окружающего пространства изменился. Дубовая Гавань не просто была защищена стенами — она сама была стеной. Здесь, на так называемом «Поле Пепла» — огромной, лишенной всякой растительности равнине перед главными воротами, — рекрутов впервые за недели пути выгнали из телег на длительный срок.

— Всем вон! Строиться по десяткам! — раздались резкие крики.

Калёб спрыгнул на землю, и его сапоги мгновенно погрузились в мелкую серую пыль, которой было засыпано всё пространство перед городом. Это была не обычная дорожная пыль; это была смесь измельченного камня, гашёной извести и костяной золы. Орден не допускал, чтобы под стенами его бастионов росло хоть что то. Он чувствовал локоть Йорана справа — северянин застыл как ледяное изваяние.

Рекрутов прогоняли через систему узких деревянных загонов, напоминавших скотобойни. В конце каждого загона стоял массивный дубовый стол, за которым сидел слуга в серой робе. У этих людей были восковые, лица и глаза, не выразившие ничего. Когда очередь дошла до Калеба, писец даже не поднял головы.

— 412-й. Суходол, поселение официально признано утраченным, — проскрипел он, и его перо занесло руну в пожелтевший пергамент. — Состояние материала: удовлетворительное.

Калеба тут же пометили коротким мазком густой, несмываемой белой краски прямо на плече. Это был его временный пропуск. Тех же немногих несчастных, кому писцы ставили жёлтую или красную метку, немедленно, без объяснений уводили в сторону — на тяжёлые, грязные работы, откуда никто не возвращался живым. Берт, бывший вожак «псов», получил свою жёлтую метку из-за гниющей раны на ноге. Он попытался было что-то возразить, но короткий, удар рукоятью тяжёлой плети по почкам мгновенно заставил его замолчать. Иерархия силы, столь тщательно выстроенная подростками в лесах, рассыпалась в пыль перед иерархией Ордена.

Затем на Поле Пепла вышли те, от кого у Калеба начиналась неконтролируемая дрожь. Это были сёстры-медики, женщины с холодными, отрешёнными лицами, облачённые в тяжёлые кожаные фартуки поверх темно-синих роб. Они шли вдоль рядов, ведя за собой девочек-рекрутов, одетых в такие же серые холщовые робы, как и мальчики, но с эмблемой синей чаши на груди. В руках у каждой сестры был зажат «Горький Иней» — маленький, идеально ограненный кристалл, реагирующий на фон некротического заражения.

Сестра подошла к Калебу. Она не смотрела ему в глаза; она смотрела на кристалл. Воздух вокруг него был настолько холодным, что Калёб видел пар от собственного дыхания. Она провела кристаллом вдоль его позвоночника, затем — у самого горла. Кристалл оставался прозрачным. Но когда она подошла к мальчику в соседнем ряду, камень внезапно налился тусклым, ядовито-фиолетовым светом. Мальчик вздохнул.

— Я здоров... госпожа... я просто замёрз... — прошептал он, пятясь.

Сестра-медик не произнесла ни слова. Она лишь едва заметно кивнула двум слугам, стоявшим за её спиной. Те мгновенно подхватили его под мышки. Один из них коротким, движением вогнал узкий стилет в основание черепа ребёнка. Тело мальчика обмякло, и его просто оттащили в сторону к огромной яме, наполненной негашёной известью.

Для Калеба этот момент стал откровением. Смерть в Ордене была не трагедией, а процедурой утилизации бракованного материала. Он посмотрел на свои руки — серые, мозолистые, омертвевшие. Он должен был стать идеальной деталью, чтобы кристалл в руках сестры никогда не поменял цвет.

Всех отобранных рекрутов загнали в «Зал Ожидания». Это была огромная зала, вырубленная прямо в толще породы. Здесь царила полутьма, нарушаемая лишь редкими лампами, которые отбрасывали на стены резкие, неестественно синие тени. Воздух внутри был пропитан тяжёлым, кислым потом сотен детей, которые на уровне инстинктов понимали, что завтра их жизнь изменится окончательно.

— Йоран сел рядом на ледяные плиты пола, прислонившись спиной к камню.

В форпосте я слышал: в Дубовой Гавани из тебя вынимают всё человеческое, как внутренности из туши забитого быка. Оставляют только оболочку.

Калёб прижал свой деревянный амулет к груди под робой. Дерево под его рукой было единственным живым предметом в этом мёртвом месте. Он чувствовал, как амулет пульсирует — не от магии, а от ритма его собственного сердца, которое отказывалось сдаваться.

— Они могут забрать мой голос, — прошептал Калёб так тихо, чтобы слышал только северянин. — Могут забрать моё имя. Но они не заберут то, что я видел в Суходоле. Моя ненависть — это моё право.

Этой ночью в Зале Ожидания практически никто не спал. Из разных углов темноты доносились приглушенные всхлипы, бессвязные молитвы Богам-Близнецам и бред тех, у кого от стресса и сырости началась лихорадка. Кaleb сидел неподвижно, не отрываясь глядя на огромные железные двери в самом конце зала. За этими дверями скрывалась «Очистка» — процесс, о котором в обозе ходили самые жуткие легенды.

В какой-то момент из теней к Калебу бесшумно подошёл брат-наставник Морд. Он шёл так легко, что его трость не издавала ни единого звука при соприкосновении с камнем — он двигался как тень среди мрака. Наставник остановился перед мальчиком и долго, пронзительно смотрел на него своим мёртвым, немигающим взглядом хищника.

— 412-й, — произнёс Морд, и его голос казался шелестом падающей листвы. — Завтра этот город научит тебя самому главному искусству Ордена — умению убивать то, что затаилось внутри тебя самого. Твои воспоминания — это брешь в доспехе. Если ты попытаешься спасти хотя бы крупицу своего прошлого — ты просто захлебнёшься в собственной боли. — Стань абсолютно пустым сосудом, — прошептал наставник. — Только в совершенную пустоту может войти истинный Свет Очищающего Пламени. Всё, что имеет вес, тянет на дно. Будь лёгким, как пепел.

Морд ушёл так же незаметно, как и появился, растворившись в тенях зала. Кaleb закрыл глаза и вызвал в памяти образ своего дома: запах сосновой стружки в мастерской, волосы матери, и тяжёлую, надёжную руку отца на своём плече. Он взял эти драгоценные образы, сконцентрировал через них ненависть к «пустым» и желание мстить. «Я — сталь. Я — номер. Я — клинок».

Когда наступил рассвет — вернее, когда лоскут неба над Дубовой Гаванью, приобрел оттенок грязного свинца — железные двери в конце зала с оглушительным скрежетом разошлись в стороны. Изнутри повалил густой, плотный белый пар, резко пахнувший алхимией.

— Всем встать! — прозвучала резкая команда. — Раздеться догола! Оставить всё личное имущество на этих плитах! Любая попытка утаить предмет будет караться немедленной смертью на месте!

Кaleb медленно поднялся. Его грязная роба, насквозь пропитанная грязью всей Весперии, упала на холодные камни. Он остался один на один с этим беспощадным миром — худой, жилистый ребенок, чьи рёбра выпирали под бледной кожей. Амулет он спрятал под языком, чувствуя его твердость и последний, затухающий импульс тепла. Это был его единственный якорь, его последний акт неповиновения.

Мальчик шагнул в клубы белого пара, навстречу процедуре, которая должна была окончательно вытравить из него человека. За его спиной Йоран сделал то же самое. И в этом белом тумане, среди запаха алхимии и ледяного пара родился инструмент, которому суждено было стать холодным клинком в руках Ордена Очищающего Пламени.

Война за свою душу началась с тишины. За порогом стоял густой белый пар, — это были алхимические пары. Кaleb шёл вперёд, его босые ноги обжигало при каждом шаге, но это был не жар костра, а холод, мгновенно проникающий сквозь кожу к самым костям. Под языком он отчётливо чувствовал жёсткое, сухое дерево своего амулета. Оно казалось единственным инородным телом в этом мире стерильной белизны.

— Шагать ровно! Не замедляться! — голос сопровождающего доносился словно сквозь слой ваты.

Кaleb погрузился в первую ёмкость с «Горьким Инеем» по пояс. Ощущение было таким, словно его тело внезапно разрубили пополам огромными ледяными ножницами. Жидкость была густой и прозрачной. Она не просто холодила; она активно высасывала тепло, проникая в каждую пору, каждую микроскопическую трещину на коже. Здоровая плоть под воздействием Инея лишь немела, теряя чувствительность, но там, где в жилах затаилась хотя бы тень некротической болезни, начиналась бурная, реакция.

Справа от Калеба шёл мальчик, которого он почти не знал — какой-то молчаливый рекрут. Едва погрузившись в жидкость, мальчик замер. Его глаза широко распахнулись, а рот открылся в беззвучном крике. На глазах у Калеба под бледной кожей соседа начали стремительно прорастать черные, ветвистые узоры. Они походили на гнилые корни, которые вскипали, прорываясь наружу пульсирующими язвами. Болезнь, дремавшая в нём неделями, среагировала на алхимию Ордена.

— Брак! — проревел сопровождающий, стоящий неподалёку.

Длинный железный крюк, больше похожий на багор, с влажным хрустом вошёл под рёбра несчастного ребёнка. Мальчика рывком выдернули из ёмкости и утащили в густой пар бокового коридора. Кaleb не обернулся. Он продолжал переставлять ноги, чувствуя, как его собственная кожа и превращаются в куски мёртвого камня. Он концентрировался на амулете под языком. Если бы жидкость попала в рот, она могла бы вызвать реакцию с деревом, и тогда его бы тоже вычеркнули из списков живых. Он сжимал челюсти так сильно, что зубы начали ныть.

Вторая ёмкость была ещё глубже. Кaleb вошёл в ледяную жижу, задирая голову. Пар здесь был настолько плотным, что он видел лишь затылок идущего впереди рекрута. Холод стал абсолютным. Он больше не причинял боли; он принёс с собой странную, пугающую ясность разума. Кaleb чувствовал, как его воспоминания — те самые образы дома, материнского лица и запаха стружки — начинают тускнеть, словно их покрывает слой инея. Морд был прав: Горький Иней выжигал не только заразу в крови, он выжигал саму суть человеческого «я», оставляя лишь пустую, звонкую оболочку.

Но в его памяти всплыл голос матери. Он сжал зубы ещё крепче: он не позволит им выжечь всё. Он сохранит эту крошечную искру, даже если его плоть превратится в лёд.

Когда он наконец выбрался на другую сторону резервуара, его тело дрожало. Он напоминал ледяное изваяние, обтянутое серой кожей. Слуги в кожаных перчатках подхватили его под мышки и бросили на каменный стол для физического осмотра.

— 412-й, — проскрипел слуга, ощупывая его суставы. — Костная структура без деформаций.

Присутствующий брат-капитан подошёл к столу. Он взял Калеба за подбородок. Сердце мальчика совершило тяжёлый, болезненный кувырок. Под языком лежало дерево, и если его обнаружат, то ему одна дорога — на погребальный костёр.

— Почему не кричал в Инее? — спросил офицер. Мальчик лишь промычал что-то нечленораздельное, имитируя шок от переохлаждения.

— Не сдох и ладно, — он убрал руку, брезгливо вытирая перчатку о плащ. — Отметить как перспективную заготовку. В пятый барак его. Следующий!

Калебу швырнули новую робу — такую же холщовую, как и прежде, но с ярко-белой полосой вдоль рукава, меткой тех, кто прошёл Горький Иней. Он натянул одежду на мокрое тело. Только оказавшись в длинном, тёмном коридоре, ведущем к казармам, он осторожно вынул амулет изо рта и спрятал его за пазуху. Во рту стоял вкус горькой соли, но он победил. Он пронёс свою суть сквозь очистку Ордена.

Казармы Дубовой Гавани представляли собой бесконечные ряды каменных нор, вырубленных в фундаменте города. На три недели это место стало его миром. Здесь не было времени суток — только циклы работы и тренировок. Рекрутов кормили дважды в день водянистой кашей.

Каждое утро начиналось с тренировок. Детей заставляли часами отрабатывать стойку. Они стояли, держа над головой тяжёлые окованные брёвна. Калёб стоял в центре своей десятки, чувствуя, как щиколотки отекают от неподвижности, а плечи горят огнём.

— Вы — пыль! — кричал брат-наставник Морд, прохаживаясь между рядами и ударяя своей тростью по икрам тех, кто смел пошевелиться. — Вы — ошибки, которые мы исправляем! Только через боль вы обретёте форму! Только через холод вы познаете Свет!

Калёб смотрел на спину Йорана, стоящего впереди. По ночам, в сырости казармы, они сидели спина к спине, делясь остатками тепла. Именно в Дубовой Гавани Калёб окончательно осознал масштаб той машины, частью которой он стал. Ежедневно прибывали обозы с детьми. Это была гигантская кузница, работающая на топливе из человеческих жизней. Каждый Брат стоил дорого в виде алхимии, еды, обучения, и Орден намеревался получить каждую каплю этой стоимости в виде вражеской крови.

На исходе третьей недели пребывания в Гавани по всему городу пронёсся рёв медных труб. Это был сигнал к «Великому Маршу».

Рекрутов выстроили на Поле Пепла в последний раз. — Приготовиться к погрузке! — рявкнул интендант Хорст.

Обоз из пятисот тяжёлых крытых фургонов, запряженных мощными паладиновскими тяжеловозами, был готов. Это были не те разбитые телеги, на которых их везли из Суходола. Эти повозки были обиты листами железа. Калёб занял своё место у заднего борта. Он смотрел, как за последним рекрутом закрываются ворота Дубовой Гавани.

Город-бастион оставался позади, окутанный мертвенно-белым сиянием своих магических ламп. Впереди лежал путь через Паллудию к сердцу Ордена — Цитадели в Петрии. Это было огромное расстояние. Калёб закрыл глаза, прижимаясь щекой к холодному железу борта. Грохот сотен колёс по Тракту Роз превратился в монотонную колыбельную. Психика семилетнего мальчика адаптировалась к новой реальности: в ней не было места для прошлого, не было места для жалости. Существовал только этот скрип, этот холод и амулет, находящийся у самого сердца.

Глава4: Номер 412

С каждым поворотом тяжёлых, окованных железом колёс Тракт Роз уводил Калеба всё дальше вглубь континента, туда, где воздух становился всё более неподвижным, густым и пропитанным запахом прелого торфа. Колонна из пятисот фургонов растянулась на километры, напоминая гигантскую змею, ползущую по израненному телу Империи. Для Калеба, забившегося в самый тёмный угол своей повозки, этот переход стал непрекращающейся мукой. Ткань тента, пропитанная специальными составами против гнили, постоянно вибрировала от ветра, издавая звуки, похожие на шёпот умирающего. Внутри телеги царил полумрак, разбавляемый лишь тонкими полосками серого дневного света, пробивающимися сквозь щели в бортах.

В этом тесном пространстве, где десять детей были вынуждены делить место, человеческая личность стиралась быстро, словно надпись мелом под проливным дождём. Орден Очищающего Пламени был великим уравнителем. Не имело значения, был ли ты сыном плотника, как Кaleb, или отпрыском обедневшего дворянина из центральных провинций — здесь ты был лишь «заготовкой», человеческим ресурсом с номером. Кaleb чувствовал, как его собственное имя — то слово, которым мать звала его к обеду — постепенно превращается в звук из другой, давно забытой жизни. Его реальностью стал номер 412, выведенный краской на плече робы. Он повторял его про себя в ритме скрипа осей, превращая цифры в подобие молитвы, которая помогала удерживать сознание от распада.

— Спишь, 412-й? — тихий голос Йорана заставил Калеба приоткрыть глаза.

Северянин сидел напротив, прислонившись затылком к дубовому борту фургона. Его светлые волосы, коротко остриженные еще в Дубовой Гавани, теперь казались серыми. Йоран выглядел посвежевшим, его тело, как будто, впитывало суровость пути, становясь всё более сухим и жёстким, как вяленое мясо.

— Считать шаги лошадей — это не сон, — ответил Кaleb. Его голос стал грубее, лишившись звонких детских черт. — Я слушаю лес. Он изменился.

Йоран кивнул, его глаза-щёлки гляделись в темноту за пределами телеги.

— Мы входим в зону «дыхания Палудии». Скоро камни под колёсами сменятся гнилыми брёвнами гатей. Тракт здесь — лишь тонкая корка над бездной. Если возница допустит ошибку и фургон сойдет с насыпи, Орден не станет нас вытаскивать. Они просто отцепят упряжь и пойдут дальше. Балласт не спасает.

Кaleb непроизвольно сжал пальцы. Его ладони, когда-то мягкие и нежные, теперь были покрыты слоем ороговевшей серой кожи. Эта кожа была мёртвой — он мог касаться раскалённого угля или острого шипа, практически не чувствуя боли. Это было его первым «приобретением» от Ордена, результатом бесконечных недель в прачечных и работы со щёлоком. Но, глубоко в складках робы, он всё ещё чувствовал тепло деревянного амулета. Амулет стал частью его нервной системы. Калебу казалось, что если дерево вдруг исчезнет, его сердце просто перестанет биться, лишившись единственного якоря в реальности.

Путь через пограничье Весперии к Палудии был беспощадным. Орден не признавал понятия «отдых» для имущества. Остановки делались только для того, чтобы напоить лошадей и провести быструю инспекцию рекрутов. Каждое утро начиналось с того, что Брат-интендант Хорст проходил вдоль рядов фургонов, срывая пологи.

— Всем вон! Проверка! — гремел его голос.

Рекрутов выстраивали в грязи у дороги. Сёстры-медики в своих тяжёлых кожаных фартуках обходили строй. В руках у каждой был «Горький Иней» — кристалл, который всегда заставлял Калеба внутренне сжиматься. Они проверяли не только наличие пятен немощи, но и психологическую устойчивость. Если чей-то взгляд был слишком блуждающим, если чьи-то руки дрожали слишком сильно — такой субъект помечался красным. Красная метка означала

перевод к «теням», чья задача заключалась в том, чтобы идти впереди обоза и своими телами проверять безопасность участков, заросших чёрным терновником.

— Смотри прямо перед собой, — шептал Йоран всякий раз, когда сестра приближалась к Калебу. — Думай о камне. Стань камнем.

Кaleb становился. Он научился гасить искры в своих глазах, оставляя лишь холодную, зеркальную поверхность. В мире, где за каждый вздох нужно было платить частью своей души, ценилась жестокость — тихая, функциональная и направленная на результат.

Однажды, на пятый день пути, обоз остановился у развилки. Здесь Тракт Роз пересекался со старой Военной дорогой, уходящей на юг к Планарии. Воздух был пропитан запахом гари — где-то неподалеку Орден проводил зачистку поселения. Кaleb видел сквозь щель в тенте, как мимо их фургона прогнали группу пленных. Это были люди, украшенные костяными оберегами — культисты. Их судьба была предreshена: допрос и последующая казнь. Их не убили сразу только лишь потому, что Орден хотел знать о своих врагах как можно больше.

— Гляди, — Йоран прильнул к щели рядом с Калебом. — Это те, кто решил, что Тьма — это их новый бог. Они думают, что магия крови защитит их от Света.

— И защищает? — спросил Кaleb, глядя на рослого мужчину в цепях, чей взгляд был полон дикого, нечеловеческого достоинства.

— На время. А потом она съедает их изнутри. Гляди на его шею.

Кaleb присмотрелся. Под кожей культиста пульсировали жилы. Это было похоже на живое растение. Мужчина внезапно повернул голову и посмотрел прямо в щель фургона, словно почуял взгляд рекрутов. Он не просил пощады; он улыбнулся, обнажив зубы, и из его горла вырвался звук, похожий на скрежет металла о кость.

В ту же секунду младший брат, конвоировавший пленных, нанёс удар по затылку культиста. Мужчина рухнул в грязь, но даже без сознания его тело продолжало биться в странном, ритмичном спазме.

— Имущество, закрыть пологи! — рявкнул надсмотрщик, ударив бичом по борту фургона Калеба.

Внутри телеги воцарилась тяжёлая тишина. Увиденное напомнило им о том, что Тьма — это не просто медленные мертвецы из сказок. Это активная, жадная сила, способная извращать саму природу живого. И они, эти дети под номерами, были барьером, который Империя готовила против этой силы.

— Нам не выжить, — внезапно произнес один из «теней». Он заговорил впервые за три дня. — Посмотрите на паладинов. Они же тоже не люди. У них лёд вместо крови. Мы просто меняем одну форму тварей на другую.

— Заткнись, — оборвал его Йоран. — Паладины сохраняют Порядок. А Порядок — это единственное, что отделяет нас от превращения в тех существ в цепях. Если тебе не нравится лёд, можешь пойти и предложить свою кровь Шёпоту. И тебя постигнет та же участь, — кивнул он в сторону культистов.

Кaleb молчал. Он думал о словах: «Меняем одну форму на другую». Его собственные омертвевшие руки были ярким тому подтверждением. Орден забирал у него чувствительность, забирал тепло, забирал имя. Взамен он давал прочность. Была ли эта сделка справедливой? В Суходоле у него не было выбора — там была только смерть. Здесь же у него было будущее, пусть и холодное, как камень.

К вечеру того же дня пейзаж окончательно изменился. Леса Весперики остались позади, и Тракт Роз вошел в низины Палудии. Туман стал настолько плотным, что всадники авангарда зажигали магические фонари света даже днем. Эти огни отбрасывали длинные, дрожащие синие тени. Кaleb чувствовал, как влага пропитывает всё: солому в фургоне, одеяла, одежду.

— Слушайте внимательно, — голос брата-интенданта Хорста раздался у заднего борта телеги. — Всем рекрутам подготовиться к расчистке. Тракт забит. Если увидите движение — не кричать. Поднять руку и ждать сигнала. Кто запаникует — пойдет в авангарде.

Фургон остановился. Кaleb спрыгнул на землю и тут же с противным хлюпаньем ушел в вязкую, холодную жижу. Это была уже не грязь Весперии; это был ил, в котором любая органика разлагалась с огромной скоростью. Ему выдали тяжелую косу. Впереди, насколько хватало глаз, дорога была перегорожена плотными зарослями чёрного терновника. Шипы были огромными, некоторые размером с кинжал, и они медленно, едва заметно шевелились, словно приносясь к прибывшему теплу.

Кaleb перехватил рукоять косы. Он не чувствовал страха перед этими растениями. Для него они были лишь еще одной преградой на пути к Петрии. Он посмотрел на Йорана, который уже начал методично обрубать ближайшую плеть терновника. Лезвие с шипением вгрызалось в чёрные стебли растения, источая облачка белого, едкого пара.

Кaleb нанес первый удар. Растение издало звук, похожий на вздох, и на сапоги мальчика плеснула тёмная, маслянистая жидкость. Запах озона мгновенно ударил в нос, вызывая знакомую резь в глазах. Охота на нежить в его жизни принимала новые, причудливые формы. Теперь он сражался с самой почвой, которая не хотела его пропускать.

Каждый взмах косы отдавался в плечах тупой болью, но Кaleb приветствовал её. Боль означала, что он всё ещё жив. Что он — полезная деталь в этом огромном механизме, движущемся к Свету. Он стал «имуществом», и это осознание приносило ему странное, извращенное спокойствие. Ему больше не нужно было принимать решения. Ему нужно было просто рубить, шагать и выживать.

Недалеко от тракта послышались звуки движения. Это были «пустые», почувавшие пять тысяч свежих сосудов с теплом. Колонна Ордена замерла, готовясь принять удар на этой проклятой земле. Кaleb вытер пот со лба тыльной стороной серой ладони и крепче сжал рукоять косы.

Началось всё с влажного, хлюпающего звука, который раздался совсем рядом; этот звук не имел ничего общего с естественным плеском воды или шорохом ветра. Это был звук вытесняемого воздуха, когда нечто массивное и тяжёлое медленно выбиралось из глубокого, зловонного ила на твёрдую почву насыпи. Кaleb замер, его пальцы, покрытые ороговевшей серой кожей, до хруста сжали шероховатое древко косы. Запах озона мгновенно стал концентрированным — он забивал ноздри, вызывая непроизвольное слезотечение и резкую, колющую боль в висках.

— К бою! Щиты в замок! — крик прорезал тишину, заставляя рекрутов действовать на уровне рефлексов.

Повозки, вставшие в затор на узкой насыпи, мгновенно превратились в импровизированные укрепления. Слуги и рекруты начали лихорадочно выставлять пехотные щиты, пытаясь перекрыть пространство между массивными колесами фургонов. Кaleb и Йоран оказались в самом уязвимом месте — на стыке двух телег, где насыпь была наиболее узкой и скользкой. Здесь ил Палудии жадно облизывал края дороги, словно приглашая живых сделать один неверный шаг в бездну.

Из зарослей начали выходить они. «Пустые» Палудии отличались от тех, которых Кaleb видел в Суходоле. Годы, проведенные в некротических болотах, превратили их в жуткие пародии на живых существ. Их тела были раздуты от трупных газов и болотной жижи, кожа приобрела иссиня-чёрный, маслянистый оттенок. Вместо глаз у них зияли каверны, а их движения были неестественно плавными.

Первый мертвец рванулся к их участку с неожиданной для его грузного тела скоростью. Но это было лишь начало. Из зарослей выходили десятки «пустых». Весь пятитысячный обоз

Ордена теперь представлял собой длинную, огрызающуюся сталью цепь среди безмолвных болот. В воздухе стоял шум битвы: лязг металла, глухие удары щитов.

Паладины вступили в бой. Калёб видел, как в пятидесяти метрах впереди них вспыхнуло ослепительно белое сияние. У брата-капитана пробудился Дар Света. Волна абсолютного холода распространялась от всадника во все стороны. Растительность в радиусе десяти метров мгновенно покрылась толстым слоем инея и рассыпалась в пыль. «Пустые», попавшие под удар, замирали, их некротические связи разрушались, и они падали изломанными оболочками.

— Гляди! — Йоран указал в сторону озера.

Там, среди чёрной воды, поднималось нечто огромное. Это был «Древний» — из десятков тел, сплавленных воедино. Огромная туша, напоминающая бесформенную гору гнилого мяса и костей, медленно двигалась к середине обоза.

— Всем рекрутам отойти к фургонам! — гремел голос Инквизитора, который появился словно из ниоткуда на своем коне. — Капитаны — к центру! Младшие братья — держать периметр! Не подпускать их!

Калёб был уверен: если «Древний» достигнет насыпи, он перевернёт фургоны, и дети окажутся в воде, где их просто разорвут на части. Он видел: рекруты побросали свои щиты и пытались залезть на крыши телег. Слабость. Брешь в Порядке.

— Встать в строй! — закричал Калёб, и его голос, обычно тихий, теперь прозвучал с властью, которой он сам от себя не ожидал. — Если перевернут фургон — мы все сохнем! Слева! 526-й, бери щит, трус!

Удивительно, но дети подчинились. В этот миг в 412-м проснулась лидерская жилка, которую Морд разглядел ещё на Тракте. Десятка Калеба сомкнула щиты под самым бортом фургона, создавая живой заслон.

Атака «Древнего» была встречена пятью капитанами Ордена. Они спешили, оставив коней слугам, и встали на пути монстра. Калёб завороченно наблюдал за их работой. Капитаны двигались в идеальном ритме, их мечи, налитые магией, отсекали от туши монстра целые пласты гнилой плоти. Каждый удар сопровождался вспышкой холодного света.

Инквизитор же оставался в седле. Он поднял свою правую руку, и в его ладони начала клубиться холодная магия Ордена. Воздух вокруг начал трещать, мелкие капли дождя превращались в ледяные иглы еще до того, как касались земли. Луч Света ударил в сердцевину «Древнего». Раздался звук, который невозможно было описать — смесь грохота обвала и предсмертного вопля тысячи глоток. Однако тварь была сильна: луч не уничтожил её, лишь замедлил, и капитаны атаковали с утроенной яростью, превращая «Древнего» в ошметки, разбросанные по округе. Через несколько минут всё было кончено.

Остатки туши «Древнего» медленно погружались в болото, превращаясь в обычную гниль. Озонный смрад начал уступать место запаху свежего инея. Битва была закончена так же быстро, как и началась, оставив после себя лишь горы трупов пустых по обе стороны насыпи и несколько перевернутых телег в хвосте колонны.

Руки Калеба дрожали от перенапряжения. Он посмотрел на Йорана — северянин вытирал лицо от пота.

— Мы живы, — констатировал Йоран.

— Угу, — кивнул Калёб и привалился спиной к борту телеги.

К ним подошел брат-интендант Хорст. Его лицо было забрызгано грязью, но взгляд оставался профессионально холодным. Он посмотрел на десятку Калеба, которая единственная на этом участке обоза не рассыпалась в панике.

— 412-й. Интендантская служба понесла минимальные потери в твоём квадрате. Это будет отмечено в твоём личном деле.

Хорст перевел взгляд на тех, кто позорно жался к крышам телег.

— А эти... — он брезгливо поморщился. — Завтра они пойдут в авангарде пешими. Ордену не нужны те, кто ищет спасения выше своего щита.

Этой ночью обоз не тронулся с места. Нужно было перевязывать раненых, чинить оси и сжигать останки убитых и «пустых». Кaleb сидел у крошечного костра, который разрешили развести для просушки одежды. Он смотрел на огонь и думал о том, что Палудия — это не просто место на карте. Это состояние мира, в котором нет ничего твёрдого, кроме воли Ордена. Он чувствовал, как сталь внутри него становится всё толще. Он больше не боялся болот. Он понял их природу: они были лишь материалом, ждущим очищения.

— Знаешь, — сказал Йоран, подсаживаясь к нему. — Тот «Древний»... в его центре я, кажется, видел доспехи паладина.

Кaleb посмотрел на свои серые ладони.

— Это не имеет значения, Йоран. То, кем он был, сторело в тот миг, когда он перестал дышать. Порядок не знает имён прошлого. Он знает только цели будущего.

Северянин долго молчал, глядя в темноту Палудии.

— Ты становишься слишком похожим на Морда, 412-й. Это хорошо для воина, но... ты ещё помнишь, как пахнет дом?

Кaleb закрыл глаза. Он честно попытался вызвать в памяти этот запах. Но вместо него в его сознании возник лишь резкий металлический аромат озона и Горького Инея.

— Нет, — ответил он тихо. — Дома больше нет. Есть только сталь. И мне этого достаточно.

Утром переход возобновился. Обоз входил в самую глубокую и опасную часть болот Палудии, где почва пузырилась от газов, а Тракт Роз превращался в узкий мост над бездной. Каждый шаг по этой зыбкой земле делал Калеба Варта всё более неуязвимым для человеческих слабостей.

Путь лежал через зловонное и липкое нутро болот — сердца Палудии, где реальность, казалось, окончательно превращалась в полужидкую, ядовитую пульпу. Едва первые фургоны обоза втянулись в этот сектор, как Тракт Роз перестал быть твёрдой опорой. Здесь некогда великая магистраль превращалась в шаткую систему гатей — тяжёлых дубовых брёвен, скреплённых ржавыми железными скобами, которые, казалось, плавали на поверхности бездонной чёрной жижи. Кaleb чувствовал каждое движение этой конструкции под колёсами: фургон мерно раскачивался, а из щелей между брёвнами при каждом нажатии вырывались фонтаны мутной, дурно пахнущей воды. Воздух здесь был настолько плотным и влажным, что каждый вдох давался с трудом, оставляя в легких привкус сырой земли и тлена.

Поверхность болота здесь постоянно пузырилась и «дышала», словно внизу, под слоями ила и костей, медленно поднималось невидимое тесто. Это был процесс активного гниения органики — газы, вырывающиеся на поверхность, создавали постоянный гул, от которого у рекрутов начинали ныть зубы, а разум застилала вязкая, серая пелена апатии. Болото высасывало из них волю. Сама природа этого места была направлена на то, чтобы размыть границы личности, превращая человека в часть общего гниющего ландшафта.

— Не дыши глубоко, — прошептал Йоран, натягивая на лицо обрывок грязного холста. — Эти газы... мне кажется, они не просто воняют.

Кaleb последовал его совету, обмотав шею и рот краем своей грубой робы. Он чувствовал, как его тело протестует против каждого движения. Его стопы, почти постоянно находившиеся в ледяной болотной воде, начали терять чувствительность, а кожа на щиколотках приобрела нездоровый белёсый оттенок. Но физическая мука была лишь фоном для нарастающего ментального давления.

Для Калеба это началось с голосов и запахов. Ему казалось, что среди хлюпанья жижи он отчётливо слышит голос матери, зовущей его к обеду. Запах хлеба с тмином, который мама

когда-то пекла, стал настолько реальным, что у Калеба непроизвольно потекли слюни, а в животе возникла острая, режущая боль от голода.

«Это ложь, — словно заученную молитву, твердил он себе, сжимая в кулаке амулет. — Матери нет. Хлеба нет. Есть только гать и номер на плече. Мой мир — это сталь и лёд».

Утром в их фургоне обнаружили первую потерю. Один из «теней», тот самый мальчик, который сравнил паладинов с монстрами, просто не проснулся. Он лежал в своей соломе, свернувшись калачиком, с легкой, почти блаженной улыбкой на губах. Его кожа была белой, как первый снег, а сквозь неё просвечивали тонкие фиолетовые жилки — признак того, что болото выпило его тепло во сне без всякой борьбы.

— Брак, — коротко и бесстрастно бросил брат-интендант Хорст, заглянув в телегу во время утренней проверки. — Сжечь.

Слуги бесцеремонно подхватили тело и потащили к уже сложенным кострам. Никто из детей не произнес ни слова. Смерть становилась такой же обыденной и ожидаемой, как дождь в Весперии. Она была частью ландшафта, неизбежным налогом на движение вперёд.

— Скоро начнётся лихорадка, — негромко сказал Йоран. — Гляди на сестёр-медиков, они уже начали готовить «Горький Иней».

Кaleb посмотрел в сторону авангарда. Сёстры-медики теперь проводили проверку каждые четыре часа. Их кожаные фартуки были забрызганы чёрной грязью, а в руках постоянно дымились курительницы с горькими алхимическими травами. Ученицы сестёр, девочки-рекруты, несли на плечах тяжелые ранцы реагентами. Их лица были скрыты масками из плотной ткани, оставляя видимыми лишь глаза, в которых не осталось места для детского любопытства.

Процедура осмотра превратилась в жестокий ритуал. Рекрутов заставляли раздеваться до пояса прямо на осклизлых брёвнах гати, несмотря на пронизывающий ветер. Сёстры проводили по их спинам «Горьким Инеем». Если кристалл хотя бы на секунду менял оттенок — это означало, что субъект вдохнул слишком много болотных миазмов и начался процесс необратимого заражения. Таких детей не убивали на месте — их связывали и грузили в специальные «чумные фургоны» в хвосте обоза. Кaleb знал, что это лишь краткая отсрочка: из этих фургонов выходили только для того, чтобы стать материалом для опытов или быть сожжёнными при первом же удобном случае, когда понадобится освободить место.

Кaleb чувствовал, как его мышцы начинают буквально «плавиться» от постоянной сырости и перенапряжения. Его серая кожа на ладонях начала трескаться от влаги, обнажая розовую, болезненную плоть, но он научился игнорировать этот дискомфорт. Он использовал боль как точку, которая удерживала его в реальности. Каждый раз, когда в его голове всплывал образ Суходола, он сознательно ковырял рану на руке, заставляя резкую вспышку боли прогнать морок. Это была его собственная, примитивная, но эффективная форма защиты — физическое страдание как щит против забвения.

— Как думаешь, почему Орден не строит здесь мосты? — внезапно спросил Йоран, когда они в очередной раз помогли слугам вытаскивать увязшую по оси телегу.

— Потому что Империя истощена войной? — предположил Кaleb, утирая пот, смешанный с болотной жижей.

— А мне кажется, потому, что Палудия — это идеальный фильтр. Те, кто не может пройти, не заслуживают того, чтобы защищать Стены Цитадели.

Эти слова Йорана заставили Калеба глубже задуматься о сути происходящего с ним. Он вспомнил, как в Дубовой Гавани Морд говорил о «пустом сосуде». Здесь, в болотах, он понял это буквально. Чтобы выжить в Палудии, нужно было самому стать немного мёртвым внутри. Перестать желать тепла, перестать надеяться на отдых, перестать любить жизнь как таковую. Кaleb начал практиковать «состояние камня» постоянно, даже во время ходьбы. Он представ-

лял, что его тело — это механизм из кости и сухожилий, лишённый нервов и памяти. И это работало.

К исходу четвёртого дня пребывания в болотах обоз наткнулся на препятствие, которое невозможно было просто обойти или перешагнуть. Участок гати был полностью разрушен, а на его месте зияла воронка диаметром в десять метров, заполненная чёрной жижей.

— Офицер стоял у самого края провала, глядя вниз. — Интендант Хорст!

— Здесь!

— Выделить пятьдесят единиц имущества для укрепления дна. Немедленно.

Кaleb чувствовал, как по его спине пробежал холодок, который не имел никакого отношения к погоде. Он к собственному ужасу понял, что означает «укрепление дна» в терминах Ордена, когда в болоте нет камней и брёвен, а задержка недопустима.

Брат-интендант Хорст начал методично указывать пальцем на рекрутов, сверяясь со своим списком. Его взгляд остановился на «тенях» и тех, кто выглядел наиболее слабым после лихорадки.

— Ты, ты, ты... и ты, 412-й, тоже иди сюда, — палец интенданта, словно указующий перст судьбы, замер напротив Калеба.

Мальчик вышел из строя. Рядом с ним оказался Йоран — северянина тоже выбрали, вероятно, из-за его выносливости. Они стояли у самого края воронки, глядя на то, как слуги подносят тяжёлые деревянные настилы.

То, что произошло потом, будет ещё долго преследовать 412-го в кошмарах.

Отобранных «Теней» и материал из чумных фургонов просто забили как скот у края. Калеба, Йорана и других рекрутов крепче заставили забрасывать тела в жадную пасть воронки для того, чтобы уменьшить её объём. Сверху на эту жуткую переправу были уложены настилы. После этого капитаны начали ритуал. Пять всадников спешили и встали вокруг воронки. Температура воздуха упала настолько резко, что Кaleb почувствовал, как его роба начала покрываться коркой инея.

Ударил волна абсолютного холода, направленная в самую глубь разлома. Магия, которая буквально сращивала плоть, дерево настилов и ил в единый, неразрывный монолит.

Ритуал длился около десяти минут. Когда капитаны наконец закончили, воронка была запечатана. На месте жижи теперь была плотная конструкция. Внутри этого льда, словно мухи в янтаре, застыли тела тех пятидесяти рекрутов, которые были сочтены негодными. Они стали вечной частью Тракта Роз, немой доказательством того, что порядок Ордена строится на костях тех, кто ему служит.

— Свободны, — равнодушно бросил Хорст.

Кaleb, глядел в фиолетовое небо Палудии, и чувствовал пустоту внутри. Он выжил в сердце болот, и теперь он точно знал цену каждого шага к Цитадели. Ночью, в глубине фургона, он сжимал в руке свой амулет. Дерево было мёртвым. Однако это не имело значения.

На утро пятого дня после произошедшего у воронки, когда обоз, скрипя каждой выжившей осью, наконец преодолел болотистый участок Тракта Роз, окружающая действительность начала менять свои очертания. Вязкий, липкий туман Палудии, который служил рекрутам серым саваном, начал неохотно отступать под яростным натиском резкого, колючего ветра, дующего прямо с восточных пиков. Это был первый осязаемый признак близости Петрийского хребта — горной гряды, отделяющей гниющие и умирающие Западные провинции от сурового, но всё ещё удерживаемого в тисках порядка Хартленда.

Для выживших рекрутов этот момент стал моментом истины, подведением кровавого итога их долгого пути. Из пяти тысяч детей, которые когда-то в предрассветных сумерках покинули ворота Дубовой Гавани, в строю оставалось чуть меньше половины. Пустые фургоны, шли в середине колонны, пугая своей тишиной и запахом извести, которой интенданты щедро посыпали места, где еще недавно сидели живые люди. Кaleb Варт — ставший для этого мира

лишь Номером 412 — сидел у заднего борта своей повозки, свесив ноги над бегущей назад разбитой дорогой.

— Гляди, 412-й, — Йоран, сидевший рядом и кутавшийся в обрывки одеяла, указал рукой на горизонт.

Там, сквозь редкие разрывы в вечно свинцовых, низко висящих облаках, начали проступать острые, как лезвия стилетов, пики Петрийских гор. Они не имели ничего общего с лесистыми, мягкими холмами Весперии или болотами Палудии. Это были каменные клыки самой земли, яростно вонзающиеся в небо, лишённые даже малейшего намека на растительность. На их вершинах, едва различимые в морозной дымке, горели неподвижные точки мертво-белого сияния — магические маяки Цитадели Очищения, используемые Орденом для сигнализации и координации.

— Это наше будущее, — негромко произнес Йоран, и в его голосе Кaleb впервые не услышал тоски, только констатацию факта. — Камень и вечный лёд. Больше никаких болотных газов и гнилых досок под ногами. Только твердая опора.

— Камень надежнее ила, — отозвался Кaleb. Его собственный голос стал плоским, словно он зачитывал сухой параграф из Устава. — На камне можно возвести стену, которая простоит века.

Последние километры по истерзанной территории Палудии запомнились Калебу как бесконечная череда заброшенных дозорных башен и пустых деревень на сваях, чьи жители либо бежали, либо стали частью того самого ландшафта, от которого Орден пытался защитить Империю. Здесь порядок поддерживался лишь редкими кавалерийскими разъездами паладинов. Мальчик видел, как всадники в ослепительно белых плащах пролетают мимо обоза на своих закованных в сталь тяжеловозах, не удостоивая «имущество» даже мимолетным взглядом. От этих людей исходило концентрированное марево магического холода. Это были истинные воины Порядка, высшая ступень того, к чему теперь всеми фибрами души стремился 412-й.

На закате колонна наконец достигла естественных ворот в Петрию. Здесь Тракт Роз превращался в узкий мост над бездонной пропастью, на самом дне которой глухо ревела ледяная горная река, несущая свои воды из недр Бореалии. По обе стороны моста возвышались две статуи паладинов древности, вырубленные прямо из монолитной скалы. Их каменные лица были почти полностью стерты временем и жестокими ветрами, но мечи, поднятые к вечно хмурому небу, всё ещё внушали суеверный трепет любому, кто осмеливался поднять глаза.

— Всем немедленно выйти из повозок! — пронёсся над колонной голос брата-интенданта Хорста. — Мы входим в Хартленд. Оставить всё лишнее по ту сторону моста!

Обоз остановился на широкой предмостной площадке, выложенной чёрными плитами. Здесь процедура отсева достигла своего апогея, становясь по-настоящему безжалостной. Каждого рекрута заставляли по одному проходить через «Арку Света» — сложный магический контур, который мгновенно выявлял малейшие, даже скрытые очаги инфекции или тьмы.

Кaleb стоял в очереди, наблюдая за тем, как работает этот беспристрастный судья. Он видел, как девочку из медицинского крыла — что ещё утром перевязывала раненых и, казалось, была воплощением дисциплины, — внезапно окутало ядовито-фиолетовое пламя, едва она сделала шаг под свод арки. Она не успела даже осознать происходящее, не успела издать ни единого звука — механизм, заложенный в конструкцию Арки, превратил её в горсть белого пепла за долю секунды. Орден очищал свои ряды со всей присущей ему тщательностью.

Когда подошла очередь Калеба, он почувствовал, как всё его существо пронзает невидимая ледяная игла. Казалось, Арка сканировала не его плоть и кровь, а саму его суть, каждую мысль и каждое воспоминание. Мальчик замер. В этот решающий миг он отчётливо понял: его амулет больше не представлял никакой опасности. Он был просто куском мёртвого дерева, лишённым остатков магии, частью его собственного, навсегда омертвевшего прошлого. Арка осталась холодно-белой, подтверждая его чистоту. 412-й прошёл.

За мостом мир изменился. Петрия встретила выживших хорошим состоянием своих дорог и чистотой застав. Здесь не было чёрных шипов, не было удушливого запаха озона или болотного гниения. Воздух здесь был разрежённым и колючим. Спустя несколько дней спокойного пути колонна подошла к цитадели. Кaleb смотрел на чёрные базальтовые стены, уходящие за облака, и чувствовал, как внутри его сознания что-то защёлкивается. Замок был найден, ключ повернут, и механизм его судьбы пришел в движение. Рекрут 412 наконец прибыл к месту своей переплавки.

Впереди его ждали годы внутри этого холодного камня, где из него и таких же, как он, должны были сделать инструменты, способные выжигать саму природу Тьмы. Кaleb Варт — вернее, то, что от него осталось после всего произошедшего, — сделал свой первый уверенный шаг по плитам «Чёрного плаца». Он был полностью готов к любой боли. Он был готов к самому лютому холоду. Он был готов стать сталью, которая однажды вернется в его родной Суходол, чтобы навсегда закончить то, что начали паладины в ту роковую ночь.

Обоз остановился в центре внутреннего двора. Дети — или то, во что они превратились — выстроились под надзором братьев-наставников. В самом центре плаца, опираясь на свою неизменную ясеневую трость, стоял Морд. Он медленно обвел взглядом выживших, и в его глазах Кaleb не увидел ни капли жалости или радости — только холодный, профессиональный расчёт мастера, оценивающего качество поступившего в его распоряжение материала.

— Добро пожаловать в Цитадель Очищения, — произнёс Морд, и его голос эхом отразился от стен, заполняя собой всё доступное пространство. — Здесь заканчивается ваше бесполезное существование. Здесь начинается ваше вечное служение Свету. Забудьте о том, что вы видели на Тракте, забудьте свои страхи и свои надежды. Ваша война начинается не на полях сражений, она начинается завтра утром здесь, внутри этих стен. Всем приготовиться к немедленному размещению в казармах. Помните: Порядок — это жизнь, сложная, полная лишений, утрат и боли, но всё-таки жизнь. Тьма, какую бы форму она ни приняла, — это всегда смерть.

Тяжёлые ворота за спинами рекрутов закрылись с грохотом. Начиналось время камня — время, в котором не останется места для имён, личных привязанностей и слабостей, только для дисциплины и холодного света Очищающего Пламени. И Кaleb Варт, Номер 412, принял эту судьбу с ледяным, пугающим спокойствием человека, который уже однажды умер в подполе своего дома, чтобы сегодня родиться заново в качестве клинка Ордена.

Глава 5: Кузница Света

Солнце в этом регионе казалось ослепительно ярким по сравнению с беспросветным мраком западных земель. Воздух здесь был разреженным, практически полностью лишённым запахов, но пропитанным тонким, едва уловимым ароматом озона. Калёб Варт стоял в первой шеренге своей десятки, чувствуя, как холод заставляет мышцы ног каменеть.

Около двух с половиной тысяч выживших — изможденные тени тех, что когда-то покинули Дубовую Гавань — были выстроены на чёрных базальтовых плитах. Над ними возвышались башни Цитадели, похожие на когтистые лапы гигантского зверя, вцепившиеся в само небо. Калёб чувствовал локоть Йорана справа. Северянин стоял неподвижно, его взгляд был направлен строго вперед, в пустоту, словно он уже начал превращаться в часть окружающего камня.

Сортировка началась без лишних слов. В центр плаца вышли сёстры-медики. Лица женщин были полностью скрыты плотными серыми платками, оставляя видимыми лишь глаза — холодные и беспристрастные. Они не смотрели в лица детей, они обследовали «материал» на предмет пригодности.

— Девочки, выйти из строя! — голос старшей сестры прорезал тишину плаца, словно удар хлыста.

Калёб наблюдал, изможденные подростки и дети — едва ли десятая часть от общего числа выживших — начали отделяться от основной массы. Им не давали времени на прощания с теми, кто успел стать им товарищами за время пути. Если кто-то пытался оглянуться или замедлить шаг, брат из оцепления коротким, профессиональным тычком древка копья возвращал к движению. Среди уходящих Калёб заметил одну девочку-рекрута, которую он видел в болотах Палудии; она шла с неестественно прямой спиной, глядя в никуда. Мальчик понял: Орден ковал из них принципиально разные инструменты. Девочки уходили в лабиринты Южного крыла, в алхимические цеха и хирургические палаты, чтобы стать — теми, кто будет сражаться с тьмой внутри человеческого тела, не зная жалости ни к себе, ни к пациенту.

Затем из массивных главных врат, вышли братья-наставники. Их было несколько десятков — мужчин неопределенного возраста, чья кожа приобрела серый оттенок от постоянного пребывания в тени камня. Они двигались в унисон, с нечеловеческой синхронностью. Каждый из них сжимал в руке трость из чёрного ясеня, окованную сталью, — символ их власти над человеческой глиной.

Их трости ритмично ударяли по камню: тук-тук, тук-тук. Этот звук резонировал в грудной клетке Калеба, заставляя его собственное сердце подстраиваться под этот неживой ритм. Группы начали распределяться. Наставники обходили ряды, выбирая себе учеников по признакам, понятным только им одним.

Перед группой Калеба остановился брат-наставник Морд. Вблизи, на фоне величественных стен Петрии, он казался еще более древним и опасным, чем во время марша по Тракту. Его глаза медленно и тщательно скользили по лицам детей, словно он читал их внутреннюю суть сквозь кожу.

— Ты, ты... — тихим голосом перечислял Морд, указывая на рекрутов. Его голос резал тишину, как бритва режет сухую ткань. Отобрав сорок человек, в том числе и Калеба с Йораном, наставник бросил — За мной.

Их повели в тренировочный ярус, расположенный глубоко в теле скалы, куда не проникал ни один луч солнца. Путь пролегал через бесконечные винтовые лестницы, где стены постоянно «плакали» от холодного конденсата. Калёб чувствовал, как с каждой ступенью мир наверху, становится всё более призрачным и нереальным.

Зал, в который их привели, был огромен. Сводчатый потолок терялся в густой тени. Здесь не было ни соломы на полу, ни даже подобия мебели — а вдоль стен стояли стойки с тренировочным оружием.

Морд встал в центре зала, опираясь на свою трость. Он обвёл группу взглядом.

—Сегодня ваша прежняя жизнь закончилась, — начал он, и его голос отразился от сводов, приобретая металлический оттенок. — Вы прибыли сюда как имущество Ордена Очищающего Пламени. Вы — глина, которую мы подобрали в руинах разорённых провинций. Орден потратил на ваше спасение и доставку ресурсы, которыми могли бы накормить целый город. Теперь пришло время платить по счетам.

Он медленно прошёлся вдоль строя, заглядывая в глаза каждому подростку.

—Теперь же вас ждут годы в этом камне, где каждый ваш вдох, каждое биение сердца и каждая мысль будут принадлежать не вам, а Ордену. Мы выжжем из вас страх, мы выжжем жалость и ненужные воспоминания о домах, которых больше нет. Мы превратим вашу кровь в лёд, а ваши кости — в сталь. Но помните: Ордену не нужны рабы. Нам нужны инструменты Порядка, которые выбрали этот путь сами.

Морд указал концом своей трости на узкую, неприметную дверь в дальнем углу зала, за которой виднелись тусклые, тёплые отблески.

—Те из вас, кто чувствует, что камень этой скалы слишком тяжёл для их сердец, могут уйти сейчас. Прямо в эту дверь. Вы станете слугами. Вы будете чистить конюшни, стирать окровавленную одежду, таскать мешки с углем и варить еду. Вы будете жить долго, вы будете всегда сыты и находиться в безопасности за этими стенами. Вас никто не будет бить — пока вы работаете. Выбирайте.

В зале воцарилась тяжёлая тишина. Кaleb видел, как задрожали плечи у мальчика слева — рекрут сделал один неуверенный шаг, затем второй и, внезапно сорвавшись на бег, исчез в дверях. За ним, понуриив головы, потянулись ещё пятеро. Морд смотрел им вслед с ледяным презрением, но не сделал ни единого движения, чтобы их остановить. Для него это была лишь очистка материала от посторонних примесей.

Из сорока человек в группе осталось тридцать четыре.

—Хорошо, — Морд повернулся к оставшимся. — С этого момента у вас нет имён. Тот, кем ты был раньше, 412-й, умер в яме под полом своего дома в Суходоле. Йоран сдох в той канаве в Паллудии вместе со всеми из торгового каравана. Теперь вы — номера в реестре. Вы — 412-й, 338-й... — начал перечислять он, — ..524-й. Тот, кто произнесёт своё имя или имя соседа, получит десять ударов плетью. Ваша личность — это балласт. Мы его сбросим.

Каждое утро начиналось за три часа до рассвета, когда температура в каменных залах падала до предела. Рекрутов выгоняли на открытую площадку, продуваемую ветрами Петрии. Там, под ледяными струями горной воды, стекающей прямо с ледников в каменные чаши, они должны были стоять абсолютно неподвижно по десять минут. Вода обжигала кожу холодом, проникая в поры и превращая тела детей в неподвижные синюшные изваяния. Кaleb чувствовал, как его мышцы сводит судорогой, как сердце замедляется, готовое остановиться, но он продолжал стоять, вцепившись пальцами в обледенелый край. Те, кто падал в обморок или начинал кричать, немедленно и безвозвратно отправлялись к слугам. Орден фильтровал материал ежедневно.

Затем следовал бег по бесконечным винтовым лестницам Цитадели. Тысячи ступеней, вырубленных в камне — вверх и вниз, снова и снова, с мешками, набитыми острой гранитной крошкой, за спиной. Ремни мешков врезались в детские плечи, стирая кожу до кровавого мяса, а крошка больно колола через тонкую ткань. Колени Калеба нещадно ныли, каждый шаг отдавался вспышкой боли в позвоночнике, но он продолжал двигаться.

Он научился полностью отключать сознание, превращаясь в чистый ритм: шаг — вдох, шаг — выдох. Внутри него продолжал тлеть раскалённый уголь ненависти к запаху озона, кото-

рый не давал ему сдаться. Этот уголь был его единственной настоящей ценностью, которую не смог отобрать даже Орден.

Вечерами, когда сил не оставалось даже на то, чтобы поднести ложку к губам, их заставляли сидеть в «Залах Созерцания» перед ослепительно белыми огнями Света. Нужно было смотреть на пламя, не мигая, пока образы прошлого не растворились в белом мареве.

— Свет — это истина! Свет — это отсутствие лишнего! — повторяли младшие наставники, прохаживаясь за спинами детей.

Калёб смотрел в огонь и видел в нём не божественное откровение, а кузнечное пламя. Он представлял, как это пламя выжигает в нём страх Суходола, слабость детского тела. Обучение только начиналось, но глина уже начала приобретать жёсткость камня. Фундамент «стальной души» был заложен именно в эти первые месяцы в Цитадели.

В таком режиме бесконечных физических упражнений прошло три года. Фундамент «стальной души» требовал дисциплины. На четвёртый год пребывания в Цитадели Очищения изматывающие физические упражнения, направленные на укрепление тела и духа, плавно сменились бесконечными часами отработки боевых стоек. Рекрутов больше не заставляли просто бегать по лестницам; теперь они должны были синхронно перемещаться, удерживая тяжелые, окованные железом щиты и используя короткие учебные клинки и копья.

Зал тренировочного яруса, который Калёб Варт — ставший Номером 412 — начал считать своим домом, вибрировал от ритмичного стука дерева о камень.

— Паладин — это не человек, Паладин — это точка опоры, — шелестел брат-наставник Морд, прохаживаясь между рядами подростков. — Тьма не имеет формы, она текуча и жадна. Она всегда ищет брешь. Если в вашей стойке есть хотя бы одна ошибка, если ваше колено дрогнуло от усталости — Враг использует это, Вы должны стать монолитом, об который разбивается любая волна.

Морд требовал от них не просто силы, но и слаженности работы в строю. Калёб и Йоран стояли рядом, отрабатывая «короткий выпад». Это движение было основой доктрины Ордена: минимальный замах, максимальная концентрация веса тела в одной точке и мгновенный возврат в защиту. Если рекрут заваливал корпус хотя бы на сантиметр, удар трости Морда прилетал безжалостно — всегда в одно и то же место, в уже распухший, сине-чёрный локтевой или коленный сустав.

Калёб научился воспринимать эти удары не как наказание, а как суровую правку инструмента. Его ладонь; она словно срослась с рукоятью меча или древком тренировочного копья. Мальчик начал чувствовать баланс оружия как продолжение своего собственного скелета. Он понял, что в тесноте настоящего боя красивые взмахи из легенд — это верный способ сдохнуть. Нужен был удар, один точный удар в уязвимую точку.

На пятый год обучения их начали допускать в «Зал Анатомии». Это было место, где изучались враги Ордена из тех, кого смогли доставить в цитадель. Зал находился ещё глубже в скале; здесь всегда стоял тяжелый, запах озона и едких консервирующих солей.

— Смотрите внимательно, имущество, — произнёс Морд, подходя к массивному каменному столу, на котором лежало «учебное пособие».

Это был «пустой» — свежий мертвец, захваченный патрулем на границе Палудии всего неделю назад. Его тело было обнажено, кожа имела матовый, пергаментный оттенок, а челюсти были наглухо защищены толстой медной проволокой. Мертвец без остановки бился пытаться разорвать цепи намертво приковывающие его к столу. Глаза были широко открыты — мутные, лишённые зрачков желтоватые белки, в которых, казалось, всё ещё колыхалась тень последнего прижизненного ужаса.

— В этом сосуде больше нет жизни, но это не мешает ему двигаться и убивать, — Морд ткнул тростью в грудную клетку трупа. Та была неподвижна; мертвецы не дышали. — Некро-

тический ихор заменил кровь. Это существо не дышит. Чтобы упокоить эту оболочку, недостаточно проткнуть ей сердце или выпустить кишки. Это уже не человек.

Наставник взял со стойки тяжёлый стилет и одним точным движением вонзил его в глазницу «пустого». Кaleb услышал сухой хруст и увидел вспышку в месте, где стилет вошёл в голову. Тело на столе дернулось и затихло.

— Череп — вот единственная цель, — продолжал Морд. — Череп — это сосуд. Разбейте сосуд, и связь с тьмой или некромантом, поднявшим «пустого», будет разорвана. Помните: один удар — одна смерть. Второго шанса у вас не будет.

Для Калеба этот урок стал откровением. Он перестал видеть в нежити монстров из ночных кошмаров. Для него они стали набором сочленений и костей, которые нужно было «успокоить» с максимальной эффективностью. Он часами изучал пособия, о врагах Империи в первую очередь «пустых» но и другим коих было множество Кaleb уделял время, от зеленокожих Юга до культистов Севера и даже обрывочные тексты о «Кровавых ведьмах» — полумифических существах, которыми становились одарённые магией женщины, полностью поддавшиеся «Шёпоту», властвующему в заснеженных лесах и пустошах Бореалии.

По ночам в казарме рекруты больше не перешёптывались о домах. Кaleb видел, как его сверстники ломаются. Один мальчик из их группы, Номер 425, однажды ночью начал тихо смеяться, не останавливаясь. Он смеялся до рассвета, пока сёстры-медики не увели его. Больше его никто не видел. В Петрии безумие считалось формой заражения — оно означало, что в ментальном щите рекрута есть брешь.

Йоран оставался для Калеба единственным ориентиром. Психика северянина была поистине стальной.

В середине шестого года произошло событие, которое Морд назвал «Пробой материала». Группу привели в странное место в подземельях Цитадели. Это был круглый зал, пол которого был засыпан мелким песком. В зале стояли железные клетки, накрытые чёрным полотном, а рядом с Мормом стояли два младших брата в полном боевом облачении напоминавшие каменные изваяния.

— Сегодня вы перестанете бить воздух, — голос Морда в замкнутом пространстве звучал особенно зловеще. — Номер 412, шаг вперед.

Кaleb вышел в центр. Ему выдали настоящее боевое копьё. Мальчик чувствовал, как его ладони привычно и надёжно обхватывают древесину. Внутри него не было ни страха, ни азарта — только ровное, гудящее спокойствие.

Морд дернул за рычаг. Покров упал, двери одной из клеток распахнулись, и оттуда выскочил «пустой». Это был крупный мужчина. Запах озона мгновенно заполнил полигон.

Мертвец не стал медлить. Учувя тепло живого тела, он сорвался в ломаный, дёрганный бег. Он двигался быстрее человека, усиленный некротической магией.

Кaleb замер в стойке. Его мир сузился до размеров черепной коробки нападающего существа.

Мальчик не стал отступать. В момент, когда мертвец прыгнул, растопырив костлявые пальцы, Кaleb сделал короткий шаг в сторону, пропуская тварь мимо себя и одновременно с этим нанося удар. Остриё копья врезалось точно в висок «пустого».

Звук был таким, словно разбили большой глиняный кувшин, наполненный мокрым песком. Кaleb почувствовал через дерево вибрацию — это был энергетический всплеск разрушаемого сосуда. Из пробитого черепа вырвалась небольшая вспышка, которая мгновенно рассеялась в холодном воздухе. Тело мешком рухнуло, совершив несколько предсмертных судорожных движений, и замерло навсегда.

В зале воцарилась гробовая тишина. Тридцать рекрутов смотрели на Номера 412, который даже не сбил дыхание. Кaleb медленно опустил копьё, упёр его древком в пол, глядя на неподвижную оболочку у своих ног. Он не чувствовал торжества.

— Чисто, — коротко бросил Морд. На его лице не дрогнул ни один мускул, но в глазах на мгновение мелькнула искра удовлетворения. — Для заготовки приемлемо. Следующий!

К концу шестого года Калёб стал лучшим в группе по уничтожению «учебных пособий». Его движения приобрели подобие, пусть и отдалённое, того, как двигались братья Ордена. Он перестал воспринимать тренировки как обучение: для него это стало естественным процессом, как еда или сон. Он был клинком, и каждый разбитый череп был лишь очередной проводкой точильного камня по лезвию.

Однако Орден не позволял им привыкать к успехам. На седьмой год обучения тренировочное оружие заменили. Вместо него рекрутам выдали подобие клинков. Это были тяжелые, тупые полосы железа с грубыми рукоятями, обернутыми кожей.

— Вы не достойны настоящей стали! — шелестел Морд, прохаживаясь между рядами измождённых подростков, чей рост за эти годы заметно увеличился, а плечи раздалились. — Вы будете тренироваться с этим до тех пор, пока ваши руки не перестанут чувствовать разницу между железом и собственной плотью. Если вы научитесь убивать куском ржавой железяки, настоящий клинок станет в ваших руках страшным оружием.

Начались поединки. Орден полностью игнорировал травмы. Сломанные рёбра, выбитые зубы и рассечённые брови считались лишь частью процесса «улучшения материала». Калёб научился использовать боль как источник дополнительной энергии. Он вплетал вспышки болевых импульсов в ритм своих атак, превращая слабость тела в твердость духа.

Его лицо, превратилось в маску, на которой застыло выражение вечного, холодного ожидания. Он больше не вспоминал Суходол. Образ матери, когда-то вызывавший слёзы, теперь был лишь расплывчатым силуэтом, растворяющимся в тумане его памяти. Он стирал все лишние воспоминания, оставив место только для устава, тактики боя и холодной, всепоглощающей ненависти к «пустым» и всем остальным врагам империи.

На исходе седьмого года Калёб Варт окончательно перестал существовать. Рекрут 412 стал продуктом кузницы Света. Его сталь была холодна, его разум был пуст, а его единственным желанием было встретиться с настоящим врагом. Он ещё не знал, что впереди его ждёт испытание Ямами Безмолвия, но его фундамент уже был достаточно прочен, чтобы выдержать любое давление.

Обучение переходило в свою следующую часть. Самая сложная проверка, проверка тишиной на восьмой год пребывания в цитадели. К этому времени 412-й изменился до неузнаваемости. Его серая кожа на руках, когда-то приобретенная в прачечных обоза, теперь стала ещё более плотной. Он мог принимать скользкие удары тупого железа на предплечья, не чувствуя ничего. В его паре с Йораном поединки превращались в жуткое, безмолвное зрелище: два подростка избивали друг друга тяжелыми кусками железа, не издавая ни звука, даже когда сталь пробивала кожу и окрашивала пол алыми пятнами.

— Твоё плечо уходит слишком далеко при возврате, — негромко произнес Йоран во время короткой передышки. Северянин вытер кровь с разбитой губы тыльной стороной тренировочной рукавицы. Его светлые волосы, за эти годы ставшие тусклыми, прилипли к потному лбу.

— Я компенсирую инерцию заготовки, — ответил Калёб. Его голос стал грубым, лишившись последних детских интонаций. — Боевой меч будет легче.

Йоран криво усмехнулся — Не надейся на это, реальность всегда будет хуже, чем ты думаешь.

К середине года началось то, что в Ордене называлось «Очищением Разума». Рекрутов повели в глубокие, и практически не освещаемые магическими светильниками ярусы Цитадели. Здесь, в недрах скалы, где температура никогда не поднималась выше замерзания воды, располагались Ямы Безмолвия.

Это были узкие каменья колодцы глубиной в два человеческих роста, вырубленные в монолитном камне. Сверху они закрывались массивными крышками, которые не пропускали ни звука, ни света. Воздух внутрь попадал через сложную систему вентиляционных каналов берущих начало где-то в губинах цитадели. Рекрутов опускали туда в одних робах, без еды и воды, на неопределенный срок, который определял лично Морд.

—Тьма всегда сначала атакует не вашу плоть, а ваше сознание, — произнёс Морд, когда группу выстроили у края первого колодца. — Она нащёптывает вам о доме, которого нет. Она показывает вам лица тех кого вы потеряли, она обещает тепло и покой, если вы просто опустите свой ментальный щит. Магия, текущая в этом мире, не всемогуща, степень её воздействия на человека определяется его ментальной крепостью; без неё любой маг крови вскипятит вашу кровь прямо внутри ваших сердец, а менталист заставит воткнуть клинок в горло своего товарища, с которым вы воевали плечом к плечу годы; даже магический огонь воздействует на всех с разной степенью интенсивности. Ямы Безмолвия научат вас тому, что в этом мире нет ничего реального, кроме вашего долга и Света, который вы несете внутри себя. Если ваш разум — решето, никакая кольчуга вас не спасёт.

Калеба опустили в колодец первым. Когда крышка сверху захлопнулась с тяжёлым глухим стуком, мир перестал существовать. Тишина в Ямах была физическим давлением, от которого закладывало уши и начинало ныть в висках. Разум Калеба, начал порождать галлюцинации.

Ему казалось, что стены колодца медленно сжимаются, намереваясь раздавить его грудную клетку. В абсолютной темноте перед его глазами начали плясать фиолетовые искры, складываясь в жуткие, ломаные узоры. Он слышал голоса, которые здесь, в глубине камня, обретали невероятную чёткость. Это был голос не одного существа, а коллективный ропот множества замёрзших душ, которые звали его по имени.

А затем... Калёб проснулся от собственного вскрика, который мгновенно застыл у него в горле. Он несколько минут лежал неподвижно, глядя в потолок над головой. Грубые доски потолка плакали: капли конденсата медленно набухали и срывались вниз, разбиваясь о его лоб. Мальчик вытер лицо рукавом заношенной рубахи. Ему снилось что-то страшное — холодный камень, давящая тишина и отсутствие даже того света, что пробивался сквозь вечный туман Суходола.

Но здесь, дома, всё было на своих местах. Привычно. Понятно.

Он спустился вниз, со своей лежанки в углу. На кухне было почти так же холодно, как и на улице. Стены дома, когда-то крепкие, теперь поддавались сырости: углы почернели от плесени, а штукатурка осыпалась, обнажая дряхлые «ребра» постройки.

Его мать, Элина, стояла у стола. В тусклом сером свете, падавшем из узкого окна, её рыжие волосы казались единственным ярким хоть и потускневшим от пережитых невзгод пятном в этой унылой реальности. Она обернулась, и её лицо, исчерченное преждевременными морщинами от постоянной нужды, смягчилось.

— Опять кричал во сне, — негромко произнесла она, не спрашивая, а утверждая. — Садись. Каша готова.

Перед Калёбом появилась шербатая глиняная миска. В ней плескалась сероватая водянистая жижа — основная еда Суходола в последние годы. Но Калёб ел с жадностью.

Из сарая донесся глухой стук и скрежет пилы. Его отец, Элвин, уже был за работой. Калёб заглянул в к нему. Там пахло древесиной. Элвин, чьи плечи заметно ссутулились за последнюю зиму, пытался вытесать деталь для починки чьей-то просевшей крыши. Работа плотника в приходящем в упадок поселении была неблагодарной: дерево гнило быстрее, чем его успевали обрабатывать.

— Отец, — позвал Калёб.

Элвин обернулся. Его руки, покрытые глубокими трещинами и ввевшейся древесной пылью, дрожали от усталости. Он молча кивнул сыну, и в этом тяжёлом взгляде Кaleb прочитал то, о чем в семье не принято было говорить: они выживали из последних сил, но они были вместе.

Следующие дни слились в бесконечную череду серого на сером. Он помогал отцу латать дыры в стенах, приносил хворост, который никогда не просыхал до конца и только тлел в печи. И всё же, несмотря на упадок и голод, кошмар о каменном колодце отступал.

Вечером сидя за столом с родителями и деля с ними свой скудный ужин, Кaleb чувствовал облегчение: дом, мама, папа их жизнь хоть и была тяжела но она была по-своему хорошей.

Мать попросила его проверить запасы в подполе. Кaleb поднял тяжёлую крышку люка. Из глубины пахло не просто сыростью, а чем-то чуждым, и холодным, — в подполе не должно так пахнуть— шевельнулось в сознании мальчика.

Он спустился по скользким ступеням. Внизу было темно, лишь тонкий луч света из кухни падал на земляной пол. Кaleb сделал шаг, и его нога коснулась чего-то твердого.

Он опустился на колени, вглядываясь в полумрак.

Там, в гнилой соломе, лежал человек. Это был подросток, одетый в серый балахон, который почти сливался с цветом земли. Подросток выглядел странно, под тканью робы проглядывались очертания развитой мускулатуры как у тренированного воина. Но самым необычным и пугающим было его лицо, когда Кaleb разглядел его, у него перехватило дыхание.

Это был он. Его черты, его разрез глаз, те же рыжие волосы. На шее трупа на шнурке из грубо выделанной кожи висел амулет. Маленький, невзрачный кусок тёмного дерева, на котором был вырезан непонятный символ.

Дрожащей рукой Кaleb потянулся к украшению. Его пальцы, холодные и влажные, сомкнулись на дереве.

Ужас осознания обрушился на него каменной плитой. Иллюзия. Всё это было лишь иллюзией. Он никогда не покидал Цитадель очищения. Он всё ещё заперт на дне этого проклятого каменного колодца. А труп тот труп в подвале выдуманного дома не был кошмаром. Психика показала ему единственный возможный вариант. Этот мёртвый подросток — это то, чем станет Кaleb Варт, если немедленно не найдёт в себе силы очнуться по-настоящему, если не заставит своё тело подняться с этого ледяного камня и бороться за выживание в этой беспросветной тьме.

Рыжеволосый мальчик сжал кулак так сильно, что острые края амулета впились в ладонь. Суходола больше не было. Родителей не было. Была только Цитадель, холодный камень под пальцами и осознание: если он сейчас снова закроет глаза, если позволит себе вернуться в туманные объятия родного дома, он больше никогда не проснется.

Ложь, — методично твердил он себе. — Есть только камень. Я — камень. Всё остальное сгорело в Суходоле. Есть только Номер 412.

Он начал строить внутри своего сознания воображаемую крепость. Он брал каждое воспоминание о прошлом — запах сосновой стружки, рыжие волосы матери, тепло отцовской руки — и клал его на воображаемую наковальню. Один удар воображаемого молота — и образ рассыпался в пыль. Ещё удар — и искры боли гасли в ледяной воде его новой дисциплины. Он уничтожал в себе человека, фрагмент за фрагментом.

Спустя двое суток или вечность, Кaleb потерял счет времени: крышка сверху открылась. Ослепительно белый свет магической лампы ударил по его глазам. Его подняли наверх с помощью верёвочной петли. Кaleb не щурился и не закрывал лица руками. Он стоял на краю колодца, глядя сквозь Морда абсолютно пустым, остекленевшим взглядом.

— 412-й? — сухо спросил наставник.

— Я, — ответил Кaleb. Его собственный голос показался ему чужим, словно он исходил от каменного изваяния.

Из сорока человек, которые начинали путь в Цитадели восемь лет назад, после Ям Безмолвия осталось двенадцать. Трое мальчиков сошли с ума прямо в колодцах, а двое просто перестали дышать, выбрав тишину. Тех, кто не прошел Ямы, сёстры-медики безмолвно уводили куда-то, откуда никто не возвращался.

На восьмом году обучения 412-й превратился в образец воинской подготовки. Его тело стало подобно скрученным стальным тросам.

Именно в этот период их начали обучать теории «Дара Света».

— Свет — это не божественная милость, — читал лекцию Инквизитор в полумраке зала. — Свет — это форма порядка, кристаллизация воли против Тьмы. Мы же — те, кто задаёт структуру. Мы — холод, который останавливает гниение. Вы ещё не обладаете Даром — он просыпается лишь в тех, чья кровь достаточно остыла. Но вы должны научиться чувствовать Свет.

Так проходил день за днём, тренировки, обучение всё это слилось в единую неразрывную ленту превращения людей в инструменты Ордена. Следующий этап проверки рекрутов на пригодность представлял из себя испытание самим неприветливым регионом Петрии. Двенадцать подростков, оставшихся от группы, вывезли далеко, к границе Бореалии. Это было неприветливое место где ледяное дыхание севера было отчётливым и обжигающим. Им не дали ни оружия, ни верхней одежды, ни еды. Только один короткий приказ: «Вернуться в Цитадель. Тот, кто придёт последним, войдёт в ворота слугой».

Это было испытание не на силу, а на выживание в диких условиях. Группа рассыпалась мгновенно. Каждый был сам за себя... или так думали наставники. Калев и Йоран, связанные годами общих невзгод, решили иначе. Они двигались, используя «дыхание камня», чтобы не замёрзнуть в снежных заносах.

Когда на пятый день на них напала стая одичавших псов, они не дрогнули. Калев забил вожака подобранным камнем, превратив его череп в кровавое месиво, вложив в это всю свою ярость, накопленную за время проведённое в Ямах Безмолвия. Они питались сырым мясом, спали в норах, грея друг друга спина к спине, и ориентировались по звёздам, как учили на уроках картографии. В их глазах больше не было страха — там была только сталь.

Они вернулись к воротам Цитадели первыми. Их роботы превратились в грязные лохмотья, тела были изранены, но их шаг был размеренным и чётким. Морд встретил их у ворот. Он долго смотрел на двоих подростков, чьи взгляды больше не опускались перед ним.

— Очередной этап завершён, — произнес Морд, и в его голосе послышалось что-то, напоминающее суровую, скупую гордость мастера. — Вы больше не заготовки. Вы — инструменты, готовые к заточке. Империя ждёт крови врагов в качестве платы за потраченные на вас ресурсы.

Калев смотрел на шпили Цитадели, вонзающиеся в фиолетовые облака Петрии. Тот мальчик, который когда-то плакал от страха в подполе Суходола, теперь был не более чем призраком, надёжно запертым в глубинах его памяти. Рекрут 412 был готов стать острием Ордена.

Впереди была служба, которая должна была продлиться до самой его смерти, но Калев принял эту судьбу с ледяным спокойствием. Он знал: Порядок требует жертв, и он был готов принести эту жертву, лишь бы больше никто и никогда не чувствовал запаха озона на своем пороге.

Возвращение в Цитадель Очищения не ощущалось как возвращение домой. Внутри их не пускали несколько дней, пока все израненные, обмороженные и покрытые коркой запёкшейся крови подростки не собрались у ворот.

Их не повели к очагам. Первой остановкой стал зал медицинского крыла. Калев Варт — Номер 412 — стоял голышом на ледяных плитах, чувствуя, как сёстры-медики обходят его, вооруженные кристаллами «Горького Инея».

— 412-й. Признаков некротической инфекции или помутнения разума не обнаружено, — бесстрастно продиктовала сестра-медик помощнице.

Ему швырнули чистую робу — белую, с чёрной каймой по подолу. Это была одежда «кандидатов». Весь последующий девятый год обучения, пролетел для Калеба в лихорадочном ритме. Теперь их учили не выживать, а функционировать в составе сложной военной машины. Индивидуальность, которую они так отчаянно защищали в Ямах Безмолвия, здесь должна была окончательно раствориться в сплочённости строя.

— Паладин — это не личность! Паладин — это точка в пространстве, через которую проходит воля Порядка! — голос Морда теперь звучал реже, но каждый его слог впечатывался в сознание рекрутов как клеймо.

Они отработывали тактику «стены щитов» по десять часов в сутки. Кaleb, Йоран и остальные девять оставшихся из их группы учились чувствовать локоть соседа так же отчетливо, как свой собственный. Если один спотыкался на обледенелых плитах «Чёрного плаца», строй должен был мгновенно перестроиться, не теряя ритма и направления удара. Кaleb понял, что Орден не ищет героев. Герой — это неконтролируемая сила, угроза стабильности. Ордену нужны были дисциплина и предсказуемость.

На исходе двенадцатого месяца девятого года, когда тени на шпилях Цитадели стали длинными и острыми, всех кандидатов, прошедших финальные испытания, заперли в Главном Соборе Света — строении из чёрного мрамора.

Кaleb сидел на голом полу, скрестив ноги. Согласно Уставу, им запрещалось спать, есть и разговаривать до самого рассвета. Это был своеобразный ритуал, представлявший для тех, кто прошёл Кузницу Света, сущий пустяк. Мальчик закрыл глаза и потянулся сознанием к деревян

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.